

XIV год
№ 30

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1
Mark. 70 Pfen. для
загран.) за строку
нонпарель (въ $\frac{1}{4}$
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особия приложе-
ния при „Нивѣ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ионг. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудоб-быякъ
печати авторамъ
не возвращаются.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

безъ доставки въ Москву черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія . . . 5 р.
съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иного городами 3 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшия въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Карлъ Богдановичъ Венигъ.

Среди нашихъ современныхъ живописцевъ Карлъ Богдановичъ Венигъ занимаетъ, по всей справедливости, видное и почетное мѣсто. Всегда добросовѣстный въ изученіи избраннаго предмета; всегда заботливо передающій всѣ малѣйшіе аксессуары и мелочи обстановки даннаго времени, нашъ художникъ не теряетъ изъ виду и болѣе широкихъ задачъ художественного творчества—вѣрной передачи психическихъ движений и характеровъ, и потому каждая его картина производить на зрителя полное впечатлѣніе. Карлъ Богдановичъ родился въ Ревелѣ въ 1829 году; художественное же образованіе получилъ въ вашей Петербургской Академіи Художествъ, которую сталъ посещать съ 1844 года, занимаясь живописью подъ руководствомъ знаменитости того времени профессора Бруни. Въ 1852 году Венигъ удостоенъ былъ 2-й золотой медали за картину „Агарь въ пустынѣ“, а въ слѣдующемъ году блистательно окончилъ курсъ въ Ака-

деміи, съ званіемъ художника XIV класса и съ первою золотою медалью. Послѣдняя была имъ получена за дѣйствительно удачную картипу „Эсфири передъ Артаксеркомъ“, составляющую нынѣ собственность Академіи. Самый сюжетъ обработанъ молодымъ художникомъ правдиво и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектно: Артаксерксъ сидитъ на возвышеніи, покрытомъ пестрымъ ковромъ, на золотомъ тронѣ. Положивъ лѣвую руку на фигуруный выступъ трона, онъ въ правой держитъ длинный золотой жезлъ, концомъ котораго касается Эсфири, падающей въ обморокъ у подножья трона на руки своихъ прислужницъ. Обѣ фигуры, какъ Артаксерса, такъ и Эсфири, поражаютъ прелестью типа и вѣрностью тому характеру, который имъ сообщенъ библейскимъ рассказомъ.

По полученіи первой золотой медали, Карлъ Богдановичъ былъ посланъ за границу, въ качествѣ тенсіонера Академіи. Находясь въ Римѣ онъ внимательно изу-

Профессоръ К. Б. Венигъ. Съ фотогр. грав. Ю. Бараповскій.

чаль первостепенныхъ итальянскихъ мастеровъ и преимущественно Рафаэля, который болѣе другихъ очаровывалъ его своимъ стилемъ и колоритомъ. Здѣсь, въ Римѣ, были написаны имъ: „Положеніе во гробъ“, картина, доставившая ему въ 1860 г. званіе академика и „Ангелы, возвѣщающіе потиблъ Содому“, за которую онъ получилъ званіе профессора въ 1862 году, по возвращенію въ Россію. „Положеніе во гробъ“ было первой картиной Венига, написанной на евангельскую тему и картиной, можно сказать, вполнѣ удавшейся. Особенное впечатлѣніе производить на зрителя фигура Спасителя, божественное тѣло Котораго поддерживается колѣно-преклоненнымъ апостоломъ Иоанномъ. Женскія фигуры—Божіей Матери, муроносицъ и Маріи Магдалины также очень удачны. Марія Магдалина изображена на первомъ планѣ, стоящей на колѣнахъ у ногъ Спасителя и отирающей слезы своими распущенными блокурами волосами. На заднемъ планѣ видна эффектная фигура одной изъ муроносицъ, завернувшейся въ черный плащъ и направляющей съ урлой въ рукахъ ко входу въ пещеру, избѣженную въ скалѣ. Вдали—Голгоѳа съ возвышающимися надъ нею тремя крестами. Эта картина принесена въ даръ Академіи въ 1870 году самимъ художникомъ. Другія иконописные работы Венига были исполнены для храма Спасителя въ Москвѣ (какъ напр. громадное изображеніе Иоанна Бого-

слова) и для Исаакіевского собора. Большая часть послѣднихъ теперь выполнена въ мозаїкѣ. Кроме того его же кисти принадлежитъ превосходный образъ „Распятіе“, написанный для Николаевской лютеранской церкви въ Ревелѣ. По возвращенію изъ Рима въ 1862 году, Карлъ Богдановичъ посвятилъ свои силы всецѣло родной своей Академіи, своей *alma mater*. Такъ сначала онъ опредѣлился помощникомъ преподавателя въ ея рисовальныхъ классахъ, а съ 1871 года занялъ штатное мѣсто ея адъюнкта-профессора.

Изъ послѣднихъ работъ Карла Богдановича особенное вниманіе обратила на себя его прекрасная картина, появившаяся на выставкѣ 1879 года: „Послѣднія минуты Димитрія Самозванца“, съ содержаніемъ которой наши читатели достаточно знакомы по рисунку съ нея, помѣщенному въ „Нивѣ“ 1880 года. Эта картина дѣйствительно замѣчательна и можетъ смѣло называться лучшимъ произведеніемъ художника. Лица самого Самозванца, красавца Басманова и Маринѣ, выражаютъ ужасъ и недоумѣніе, переданы мастерски; особенно хороша фигура Самозванца, стоящаго передъ окномъ съ скатыми въ бѣшенствѣ кулаками и незнающаго, что предпринять въ своемъ безвыходномъ положеніи. Эта послѣдняя картина также составляетъ теперь собственность Академіи Художествъ.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIX.

Другъ дома.

Думая о братѣ, онъ всегда усиленно старался не анализировать его. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что изъ этого анализа не выйдетъ ничего утѣшительного. А ему слишкомъ бы тяжело было порвать эту кровную связь, которая выросла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ продолжалъ любить брата и эта любовь главнымъ образомъ выражалась въ немъ въ ту минуту, когда съ Владиміромъ случалась какая нибудь крупная непріятность. Онъ принималъ братнюю непріятность горячо къ сердцу и ему самому дѣжалось такъ болѣно, какъ будто эта непріятность случилась съ нимъ самимъ. Если онъ видѣлъ какой нибудь предосудительный поступокъ Владимира, онъ страдалъ. Если случайно замѣчалъ, что кто нибудь относится къ брату безъ уваженія, съ порицаніемъ и недружелюбіемъ, ему становилось тяжело и больно. Онъ радовался каждой его хорошей удачѣ.

Когда была рѣшена его женитьба на графинѣ Черновой, онъ пристально, пристально вглядывался въ эту хорошенѣкую, блестящую дѣвушку и по цѣлымъ часамъ раздумывалъ, будетъ ли братъ счастливъ съ нею. Онъ постарался съ нею сблизиться. Но конечно, это было очень трудно. Въ первое время молодые супруги были поглощены другъ другомъ и третьему тутъ не было места.

Впрочемъ Катринѣ, веселая, ласковая, игравая, съ ухватками хорошенѣкаго котенка, могла въ то время возбудить къ себѣ только симпатію. Она была слишкомъ молода и хотя сама никогда не задавала себѣ вопроса о томъ, любить ли и какъ любить мужа, но все же Владимира, молодой, красивый, окружавшій ее предупредительной нѣжностью, на первое время казался ей лучшимъ изъ мужчинъ.

Хотя она и привыкла въ родительскомъ домѣ къ роскоши, но все же уже достаточно наслышалась о томъ, что состояніе ихъ разстроено. Денежная затрудненія, изъ которыхъ долженъ былъ иногда съ большими трудомъ выпутываться ея отецъ, отражались конечно и на ней. Она испытывала кой-какія стѣсненія. Далеко не всѣ ея причуды, а ихъ у нея всегда было много, могли исполняться.

Ея мать, женщина не далекая и не имѣвшая никакого понятія о воспитаніи, успѣла съ дѣствомъ внушить ей мысль, что она должна выйти замужъ за человѣка

очень бѣгатаго, что въ богатствѣ заключается высшее человѣческое счастье. И вотъ она получила это богатство. Положимъ, Владимира не раздѣленъ, все состояніе въ рукахъ Сергея Борисовича. Но Горбатовы ни въ чемъ не стѣсняютъ сына. Въ распоряженіи у Катринѣ сразу оказались такія средства, о которыхъ она и не мечтала.

Это богатство, эта царственная роскошь старого дома, возможность наверстать потерянное, исполнять всѣ прежнія и новыя причуды, на нѣсколько мѣсяцевъ отуманили счастлемъ ея голову. Она принялась играть въ маленькую королеву, и такъ какъ эта игра, при ея юности и миловидности, всѣмъ нравилась, то Катринѣ не имѣла никакой возможности выказать свои недостатки.

Она легко обманула и Бориса. Онъ уѣхалъ за границу, увѣренный, что его *belle soeur*—прелестъ, что она добра и будетъ навѣрно хорошей женой и матерью, когда пройдетъ ея дѣтское легкомысліе, а вѣдь оно пройдетъ скоро. Подъ могучимъ дыханіемъ жизни, супружества и материнства, наивная дѣвочка быстро превращается въ женщину.

Но, вернувшись черезъ два года, Борисъ сразу долженъ былъ убѣдиться, что жестоко ошибся, что его *belle soeur* вовсе не прелестъ. Даже ея красота хорошенѣкій птички, поражавшая сразу, въ одинъ день успѣла ему приглядѣться, и уже не производила на него впечатлѣнія, не защищала ее, не заставляла быть къ ней пристрастной.

Борисъ понялъ, что братъ и Катринѣ вовсе не счастливые супруги. Онъ убѣдился также и въ томъ, что Катринѣ вовсе не примѣрная, нѣжная и заботливая мать для маленькаго Сережи.

Теперь эта идеальная, воздушная птичка, маленькая королева становилась ему просто антиподичной, будто она переродилась. Куда дѣвалась ея прежняя изящность. Оказалось, что она только напускаетъ на себя эту изящность, а что въ сущности она очень грубая женщина. Мелкость ея интересовъ, ея пустота такъ и били въ глаза при каждомъ ея словѣ.

Борисъ, который даже и во время долгой разлуки считалъ ее близкой, родной, теперь чувствовалъ, что она ему совсѣмъ чужая. И ему просто становилось досадно и обидно видѣть ее въ своемъ родномъ домѣ, да еще и въ роли хозяйки. Онъ даже самъ изумился своимъ внезапно развивающимся чувствамъ, готовъ былъ

себя за нихъ укорять. Быть можетъ онъ преувеличивается, быть можетъ онъ, слишкомъ много отъ нея ожидавшій и убѣдившійся, что она не можетъ исполнить этихъ ожиданій, сталъ просто несправедливъ къ ней?!

Услышавъ, что обѣдавшіе гости уже разѣхались, и чувствуя, послѣ всѣхъ своихъ размышеній, потребность еще разъ взглянуть въ Катринъ, чтобы провѣрить себя, Борисъ прошелъ въ дѣтскую маленькаго Сережи. Онъ расчитывалъ застать тамъ Катринъ, такъ какъ она за обѣдомъ сказала, что останется весь вечеръ дома. Но ей не было въ дѣтской.

Онъ повозился съ племянникомъ, который былъ совсѣмъ въ его вкусѣ и къ которому онъ уже начиналъ чувствовать большую нѣжность. Толстенький, хорошенький мальчикъ сразу привыкъ къ нему, тянулся къ нему, радостно захлебывался и пускалъ пузыри своими пухленькими губами.

— А гдѣ же барыня? спросилъ Борисъ пяню.

— Не могу сказать вамъ, сударь, отвѣчала она,— сегодня барыня не изволили въ дѣтскую заглядывать...

Онъ пошелъ отыскивать Катеринъ. Но въ парадныхъ комнатахъ ея не было.

Онъ рѣшился пройти въ ту завѣтную, издавна милую ему комнату, гдѣ вчера увидѣлъ Нину. Теперь эта комната получала для него совсѣмъ особенное, новое значеніе.

Онъ тихо шелъ по мягкимъ коврамъ и на него на плывали сладкія любимыя грезы, которыя теперь превращались въ дѣйствительность. Прелестный, блѣдный образъ Нины съ ея загадочными темными глазами, которые всю жизнь его преслѣдовали, такъ и стоялъ передъ нимъ.

Вотъ онъ уже у завѣтной комнаты. Онъ остановился, тихо приподнялъ спущенную портьеру... вошелъ и остановился въ изумленіи...

На маленькомъ диванѣ, на томъ самомъ диванѣ—Катринъ, а рядомъ съ нею какая-то мужская фигура. Но это не братъ.

Что это такое было?! Произошло что то мгновенное, чего онъ въ своей разсѣянности не могъ и уловить. Но онъ хорошо, ясно замѣтилъ, какъ яркая краска вдругъ залила все лицо Катринъ и какъ на этомъ лицѣ изобразился испугъ и смущеніе. Онъ ясно замѣтилъ, какъ она вскочила съ дивана, а потомъ вдругъ опять упала на него и проговорила своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— А, Борисъ, это ты?! я думала Владимиръ вернулся!.. Вы знакомы, господа?

Борисъ взглянулъ,—передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ огненными глазами, красивымъ лицомъ и презрительной, даже нѣсколько нахальной усмѣшкой.

Катринъ уже совершенно оправилась отъ своего смущенія.

— Графъ Щапскій.... mon beau frère!...

Они пожали другъ другу руки.

Графъ Щапскій взглянулъ прямо въ глаза Борису, пристальнымъ спокойнымъ взглядомъ. А губы его, быть можетъ противъ воли, все такъ же нахально усмѣхались.

Борису вдругъ сдѣлалось неловко. Онъ почувствовалъ внезапный приливъ злобы, чего съ нимъ никогда не бывало. Онъ не зналъ этого графа Щапскаго и вчера не замѣтилъ его на балу, но онъ уже о немъ слышалъ. Это былъ богатый польскій графъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ, поступившій на службу и имѣвшій большой успѣхъ въ петербургскомъ обществѣ. Его имя произносилось сегодня и у генеральши.

Начался обычный, неизбѣжный разговоръ, какой всегда бываетъ между двумя людьми, которые только что познакомились.

Щапскій сдѣлалъ нѣсколько очень грубыхъ ошибокъ по-русски и потому перевелъ разговоръ на французскій языкъ, на которомъ говорилъ какъ прирожденный пари-

жанинъ. При этомъ оказалось, что онъ и воспитывался во Франціи, въ іезуитской школѣ.

Борисъ припомнилъ, что его такъ и называютъ—іезуитомъ. Съ каждой минутой онъ становился ему все непріятнѣе, несмотря на то, что держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и былъ очень любезенъ. Онъ очевидно былъ высокаго о себѣ мнѣнія и сознавалъ въ себѣ какую то силу. Это выражалось въ каждомъ его движениі, въ каждомъ словѣ. Смутить его было трудно.

Наконецъ онъ сталъ прощаться.

— А вы развѣ не остаетесь съ нами ужинать? спросила Катринъ.

— Простите, никакъ не могу.

— Очень жаль, мужъ былъ бы такъ доволенъ васъ видѣть; онъ навѣрное скоро вернется...

Щапскій еще разъ выразилъ свое сожалѣніе и откланялся.

Теперь Борисъ уже внимательно наблюдалъ и ему показалось, что гость и Катринъ, прощаюсь, обмѣнялись какимъ то особеннымъ, быстрымъ взглядомъ.

По уходѣ графа, Катринъ разсыпалась въ похвалахъ ему.

— Онъ такой образованный, такой умный и пріятный собесѣдникъ; его всѣ очень цѣнятъ.

— Онъ вѣдь іезуитъ?! проговорилъ Борисъ.

— Іезуитъ, я знаю... Но ты говоришь такимъ тономъ, какъ будто быть іезуитомъ—что то позорное.

— Почти что такъ.

— Спорить я съ тобой не буду, потому что мало думала объ этомъ. Если же графъ іезуитъ, то значитъ ничего въ этомъ дурного нѣтъ. *Et puis, je te dis, il est gÃ©sÃ© partout.* Имъ всѣ дорожатъ. Его даже при дворѣ очень любятъ.

— Онъ давно у васъ бываетъ?

— Около года, со своего пріѣзда.

— И братъ съ нимъ друженъ?

— Да, кажется, они пріятели...

Въ это время вошелъ Владимиръ.

— А! какъ ты ми... что не опоздалъ! радостно крикнула Катринъ, поднимаясь къ нему на встрѣчу и, очень грациозно вставъ на цыпочки, поцѣловала его.

Владимиръ изумленно взглянула на нее.

— Я сейчасъ встрѣтилъ Щапскаго, сказалъ онъ,— просилъ его вернуться, но онъ говоритъ, что не можетъ.

— И я его тоже просила, проговорила Катринъ, оглядѣлась передъ зеркаломъ и тихо вышла изъ комнаты.

— Это твой пріятель — Щапскій? тихо спросилъ Борисъ.

— Я ничего не имѣю противъ того, что онъ ми... пріятель! отвѣчала Владимиръ.

— То есть я хочу спросить тебя,—считаешь ли ты его вполнѣ хорошимъ человѣкомъ?

— А онъ вѣрно тебѣ не понравился? видиши ли—я не знаю, какой онъ тамъ человѣкъ, вѣдь узнать это очень трудно, а главное, незачѣмъ! Одно знаю, что намъ съ тобой можно у него поучиться многому... Я, право, не встрѣчалъ болѣе ловкаго человѣка! Въ какойнибудь годъ—и еслибы ты зналъ, какъ онъ устроилъ свои дѣла! Я увѣренъ, что ему предстоитъ будущность—всего добьется. И при этомъ онъ можетъ быть полезенъ, право, увѣряю тебя... онъ уже оказалъ мнѣ кое-какія услуги... Нужный человѣкъ, очень нужный!..

„И онъ о ней не заботится, ему все равно! съ тоской подумалъ Борисъ. А вѣдь онъ могъ бы еще поправить многое! Она такъ молода! Каково матушкѣ—вѣдь она навѣрное поняла ее и страдаетъ. Да, она поняла навѣрно. Но я могу ошибаться, можетъ быть многое мнѣ только кажется. Можетъ быть я себѣ все представляю мрачнѣе, чѣмъ есть—дай то Богъ!“..

Онъ постарался хоть на этомъ успокоиться и поспѣшилъ къ себѣ.

XX.

„Tubalcain“.

Печальные размышления Бориса были прерваны Степушкой, который, заглянув в комнату, объявил:

— Князь Бельский приехал и спрашивают, не можете ли вы принять их?

— Конечно, проси. Проведи скорей сюда, встрепенулся Борисъ.

Князь Бельский был молодой человекъ, однихъ лѣтъ съ Борисомъ, небольшаго роста, сухощавый, очень блокурый, съ мелкими неправильными чертами лица и великолѣпными темно-голубыми глазами, блескъ и живость которыхъ скрашивали его невзрачную внешность.

Въ прежніе годы, въ Москвѣ, онъ тоже принадлежалъ къ университетской „трезвой компании“, былъ большимъ другомъ Бориса, а теперь нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ, почти безъ определенныхъ занятій, числясь въ какомъ-то вѣдомствѣ. Посѣщалъ высшее общество, къ которому принадлежалъ и по связямъ, и по рождению. Считался выгоднымъ женихомъ, но женихомъ безнадежнымъ, такъ какъ всему городу было известно, что онъ уже нѣсколько лѣтъ въ связи съ одной дамой, изъ за которой у него четыре года тому назадъ была даже дуэль, надѣлавшая ему много хлопотъ и непріятностей.

Войдя въ комнату Бориса, князь Бельский какимъ-то особеннымъ образомъ протянулъ ему руку и очень серьезно проговорилъ:

— „Ти“.

Борисъ такимъ же образомъ отвѣтилъ на пожатье и въ свою очередь произнесъ: „bal“.

— „cain“ докончилъ Бельский.

Изъ этихъ трехъ словъ образовалось слово „Tubalcain“, священное слово масоновъ, которымъ они въ особыхъ случаяхъ привѣтствовали другъ друга и устанавливали связь между собою.

Затѣмъ пріятели троекратно и горячо поцѣловались.

— Наконецъ то ты вернулся! быстро, немногого прішепѣтывая, заговорилъ Бельский.—Мнѣ только что сейчасъ сказали обѣ этомъ у Гагаринъхъ. Кто изъ нихъ слышалъ отъ твоего брата. Я и приѣхалъ, не зная вѣрить или нѣть. Какъ же я радъ тебя видѣть, хотя ты право этого не стоишь—на нѣсколько моихъ писемъ не отвѣтилъ ни слова!

— Прости, любезный другъ,—сказалъ Борисъ,—самъ очень хорошо знаю, что виноватъ передъ тобою. Но я въ послѣднее время перебѣжалъ изъ города въ городъ приближаясь къ родинѣ. Особенного ничего не имѣлъ сообщить тебѣ, то есть сообщить то у меня много пожалуй, только не для писемъ. И вообще ты долженъ знать, какъ я лѣнивъ на письма.

— Хорошо, принимаю твои извиненія и не желаю съ тобой никирковаться. Скажи, ну что, какъ доволенъ этими двумя годами? Нашелъ ли за границей то, чего искалъ?

— Нѣть, не нашелъ. Хотя не могу сказать, что этими годами не доволенъ. Они не прошли для меня даромъ—я уяснилъ себѣ многое...

— А знаешь ли, вдругъ перебѣль его Бельский,—нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ недовольны тобою, считаютъ тебя отщепенцемъ.

— Я это знаю! спокойно сказалъ Борисъ. Я вѣдь, кажется, ни передъ тобою, ни передъ кѣмъ не скрывалъ своихъ разочарованій. Теперь посмотримъ, правъ ли я былъ. Скажи мнѣ, любезный другъ, вотъ мы съ тобою не видались цѣлыхъ два года, скажи, удовлетворенъ ли ты самъ дѣйствіями и занятіями нашего общества? Далеко ли ты подвинулся впередъ? Нашелъ ли въ чемънибудь разрѣшеніе?

— Отвѣчая утвердительно я бы солгалъ тебѣ.

— Вотъ видишь—такъ въ чемъ же обвинять меня?! Теперь для меня совершенно уже выяснилось многое! Да, я

вижу прямо. И то, что скажу тебѣ, то готовъ повторить передъ всѣми братьями нашей ложи, если она еще собирается.

— Гдѣ ужъ собираешься! махнулъ рукой Бельский.—Вѣдь мы подъ большимъ запретомъ. Но конечно, все же бываютъ нѣкоторые собранія, то здѣсь, то тамъ...

— Это все равно, горячо заговорилъ Борисъ.—Я не жалѣю о томъ, что разогнали наши театральныя зрѣлицы.

— Театральныя зрѣлицы! изумленно повторилъ Бельский.

— Да, именно. Какъ же я иначе могу назвать всѣ эти обряды, всю эту внешнюю сторону масонства. Вспомни, вѣдь мы вмѣстѣ съ тобой готовились къ великому, камъ намъ казалось, таинству посвященія. Помнишь, мы постомъ и молитвой готовились. Тогда у меня не было въ мысляхъ считать эти таинственные обряды пустыми. Такой взглядъ на нихъ я почелъ бы святотатствомъ. Я помню съ какимъ трепетомъ вступилъ я въ ложу и началъ проходить рядъ испытаній. Все, что я видѣлъ, все что со мною дѣлали, мнѣ искренно казалось полнымъ величайшаго смысла. Эта черная комната, мертвая голова и кости съ надписью *memento mori*, это хожденіе съ завязанными глазами по какому то лабиринту, сниманіе повязки, устремленіе на мою обнаженную грудь со всѣхъ сторонъ острія шагъ—все это приводило меня въ священный трепетъ. Съ какимъ глубокимъ чувствомъ, на вопросы проводника о томъ, съ какимъ намѣреніемъ вступаю я въ братство вольныхъ каменщиковъ, я отвѣчалъ, что единственное намѣреніе мое—открыть вѣрный путь къ познанію истины!.. И ты знаешь, что таково было мое дѣйствительное намѣреніе, мое страстное желаніе, также какъ и твое, также какъ и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ братьевъ. Намъ обѣщали, что мы достигнемъ цѣли съ помощью братства. Насъ заставляли подниматься по ступенямъ Соломонова храма, и мы искренно вѣрили, что не маленькая жалкая модель этого храма, а самъ онъ передъ нами, и что намъ дѣйствительно откроется возможность взойти по его ступенямъ къ алтарю вѣчной истины, къ алтарю вѣчной Софіи. Мы люди, мы слабы, но вѣдь все же мы честно боролись съ дурными инстинктами нашей природы. Мы были добрыми работниками. Братство сочло насъ достойными перейти въ высшую степень. Для насъ должны были открыться тѣ таинства, которыя мы въ качествѣ учениковъ могли только благоговѣйно созерцать въ вещественныхъ аллегоріяхъ. Что же намъ открылось? Ничего! Намъ сообщили только то, что намъ и такъ было давно известно въ тѣ дни, когда мы еще и не думали о масонствѣ!..

Бельский внимательно и грустно слушалъ, не перебивая своего друга.

Борисъ продолжалъ.

— Впрочемъ, нѣть, я ошибся. Мы, дѣйствительно, узнали многое. Мы узнали, я узналъ по крайней мѣрѣ, что всѣ эти обряды, эти аллегоріи, вся эта внешняя сторона масонства есть въ то же время и его сущность, ибо за ней, вмѣсто откровеній великихъ истинъ,—пустота. Я узналъ, что многие наши руководители, передъ мудростью которыхъ мы преклонялись, слѣпо вѣрили въ эту невѣдомую нами мудрость—почти круглые невѣжды. Исполнять Христовы заповѣди, идти по пути самоусовершенствованія, чтить Бога, любить ближняго, воздавать должное каждому изъ братьевъ—вѣдь все это и такъ требуется отъ каждого христіанина! Масонство же обѣщаетъ общую плодотворную работу, откровеніе величайшей науки всѣхъ наукъ. Но наше масонство ничего этого дать не можетъ, потому что оно играетъ словами. Наши братья, я не говорю о всѣхъ конечно, такъ какъ между масонами всегда можно встрѣтить высокихъ и разумныхъ людей, но большинство нашихъ братьевъ, огромное большинство—жалкие люди, не толь-

ко не способные разрабатывать науку всѣхъ наукъ, но не способные даже поработать надъ собою; они погибаютъ въ слабостяхъ человѣчества. Для такихъ людей, конечно, масонство важно. Имъ нужны театральныя зрѣлища и пожалуй они были бы недовольны, еслибы за этими зрелищами скрывалось что нибудь другое. Вѣдь не станешь же ты спорить со мною, что есть много масоновъ, которые поступаютъ въ братство только для того, чтобы завести связи съ влиятельными братьями, влиятельными не въ масонскомъ, а въ житейскомъ смыслѣ слова?! Черезъ масонство достигаютъ знакомствъ, связей, протекцій, добиваются личныхъ цѣлей!..

— Все это правда! перебилъ Бѣльский.

— Но вѣдь на это можно отвѣтить, что тутъ нѣтъ еще ничего предосудительного. Всякій масонъ, кто бы онъ ни былъ, достигая посредствомъ братьевъ болѣе или менѣе высокаго положенія въ обществѣ, тѣмъ самымъ служить цѣли масонства, способствуетъ его распространенію, вліянію на жизнь общества. Конечно, этимъ и оправдываются и это было бы достаточное оправданіе, еслибы такими средствами выдвигались люди дѣйствительно способные развивать истины масонскія, т. е. высокія и благородныя задачи. Но вѣдь за примѣромъ ходить недалеко — возьмемъ эти примѣры изъ нашей ложи за послѣднія пять, шесть лѣтъ. Развѣ мы не знаемъ нѣсколько случаевъ, когда къ намъ обращались никому невѣдомые люди, воспользовались значеніемъ и связями братьевъ, достигли того, къ чему стремились, получили значительныя мѣста на службѣ и оказались взяточниками и грабителями?!

— Да, къ несчастью, то, что ты говоришь — правда! сказалъ Бѣльский. И не далѣе, какъ на этихъ дняхъ, я узналъ очень печальный случай. Ты можетъ быть помнишь офицера Синяева, онъ былъ посвященъ послѣ насы?

— Какъ же не помнить! очень хорошо помню.

— Онъ мнѣ никогда не нравился, хотя я и старался побѣдить въ себѣ это предубѣжденіе относительно „брата“, ибо оно вѣдь должно считаться грѣховнымъ въ масонѣ. Синяевъ на всѣхъ производилъ впечатлѣніе человѣка очень дѣятельного, энергичнаго. Его всегда можно было найти у кого нибудь изъ старшихъ братьевъ. Онъ угождалъ всѣмъ, вслушивался въ каждое слово, толковалъ о своихъ добродѣтеляхъ.

— Что же съ нимъ случилось?

— Очень печальная исторія. Дѣло въ томъ, что его добродѣтелямъ повѣрили, на него понадѣялись, ему была поручена очень большая сумма денегъ, назначенная на дѣла благотворительности. Онъ присвоилъ себѣ эту сумму и вмѣстѣ съ этимъ явился къ Аракчееву съ доносомъ на „братьевъ“.

— И это осталось безнаказаннымъ?

— Конечно, теперь не такія времена, чтобы мы могли чего нибудь добиваться и что нибудь разоблачать; напротивъ, Синяевъ кажется попалъ къ Аракчееву въ милость. Я еще недавно слышалъ, что о немъ съ похвалой отзывался одинъ изъ нашихъ ярыхъ враговъ — архимандритъ Фотій.

— Вотъ человѣкъ, который меня интересуетъ, хоть я и никогда не видаль его, перебилъ Борисъ. — Это человѣкъ, обладающій повидимому очень значительной силой...

— А я его видѣлъ и убѣжденъ, что ты не найдешь въ немъ ничего интереснаго. Но перейдемъ къ Синяеву. Я рассказалъ тебѣ этотъ случай вовсе не для того, чтобы признать себя побѣженнымъ. Да, мы видѣли нѣсколько печальныхъ примѣровъ, но зачѣмъ же на нихъ останавливаются — вѣдь это только частные случаи. Я самъ почти разочарованъ въ нашемъ масонствѣ, но вообще за масонствомъ признаю большое значеніе. Я увѣренъ, что если у насъ дѣло идетъ плохо, то гдѣ нибудь оно идетъ хорошо. Вѣдь братство раскинуло свои

сѣти по всему миру. Ты былъ во многихъ мѣстахъ, ты долженъ быть столкнуться со многимъ важнымъ и интереснымъ. Я поспѣшилъ къ тебѣ, чтобы узнать отъ тебя, какъ отъ очевидца, о томъ, что дѣлаютъ наши далече братья. Неужели ты станешь меня разочаровывать?!

— Къ несчастью, почти такъ, грустно проговорилъ Борисъ.

ХХI. Мистикъ.

Борисъ поднялся и началъ въ волненіи ходить по комнаго.

— Истинное масонство, заговорилъ онъ, — можетъ существовать, должно существовать и, я надѣюсь, когданибудь и будетъ существовать. Когда нибудь люди отыщутъ потерянный ключъ къ разгадкѣ великихъ и вѣчныхъ тайнъ природы... То, о чёмъ мы толковали и о чёмъ мечтали въ студенческие годы, не было заблужденіемъ, не было праздной мечтой... Теперь я знаю, на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя получилъ работая больше года въ Британскомъ музѣ, что мы не обманывались... да, ключъ былъ — и человѣчество его потеряло, а между тѣмъ, въ глубокой древности, этимъ ключемъ мудрецы отирали всѣ тайны. Истинное ученіе существовало у древнихъ, первобытная мистерія — вотъ настоящія масонскія собранія, ложи, вотъ гдѣ скрывалась наука всѣхъ наукъ!..

— Что же осталось намъ, какія указанія на эти потерянныя тайны? все это очень любопытно! перебилъ Бѣльский.

— Остались указанія на то, что древніе обладали слѣдующими истинами: они знали о существованіи вѣчной, всемирной, всемогущей, всеобъемлющей жизни, созданной единымъ сверхъестественнымъ Logosомъ. Эту бесконечную жизнь онъ создалъ изъ самого себя. Вещество этой жизни вѣчно, и вещество это — свѣтъ. То, что проявляется внѣшнимъ образомъ, существуетъ и отвлеченно, изначала, въ своемъ первообразѣ, который отражается въ зеркалѣ чудесъ и зеркало это — Софія, вѣчно рождающая и вѣчно дѣвственная... Весь видимый міръ, какъ явленіе вѣчной жизни, управляетъ вѣчными законами, дѣйствующими и въ невидимыхъ для наскѣ мірахъ. Эти законы суть свойства природы и ихъ семь: притяженіе, противодѣйствие, кругообращеніе, огонь, свѣтъ, звукъ и, наконецъ, тѣло. Будучи совмѣщеніемъ всего, первая шесть свойствъ природы дѣлятся на двѣ троицы или на два полюса. Полюсы эти представляютъ изъ себя двойственность природы; первая три свойства: мракъ, зима, страданіе, адъ; другія три — свѣтъ, наслажденіе, лѣто, рай. Огонь — вѣчный очиститель природы...

— Какой же это огонь? вдругъ спросилъ Бѣльский, внимательно слѣдившій за словами пріятеля, но очевидно съ большимъ трудомъ въ нихъ разбирался.

— Какой огонь! конечно не тотъ, который горитъ передъ тобою въ этой лампѣ, хотя и въ этомъ есть частица небеснаго огня. Древніе знали иной огонь, небесный, обладающій разнообразнейшими и непостижимыми для наскѣ свойствами; впрочемъ, эти свойства его уже начинаютъ и теперь подмѣтать европейскіе ученыe, и я увѣренъ, что въ скоромъ времени относительно этого огня предстоитъ не мало открытий. Но не скоро мы будемъ знать его такъ, какъ знали мудрецы древности, называвшіе его огненнымъ эфиромъ, духомъ, началомъ жизни... Но слушай — ты перебилъ меня, — вотъ послѣднее положеніе: всякий свѣтъ — порожденіе мрака, и для того, чтобы сдѣлаться свѣтомъ, неизбѣжно долженъ пройти черезъ огонь. Какъ матерія въ своихъ разнообразныхъ видахъ проходитъ этимъ путемъ, такъ и духъ, достигая знанія и свѣта, долженъ выйти изъ мрака, который составляетъ его первоначальную темницу, долженъ очиститься въ огненномъ горнилѣ.

Борисъ остановился.

— Да, сказалъ Бѣльскій,—все это крайне интересно, но, признаюсь, сразу мнѣ кажется очень неяснымъ.

— Я понимаю это, отвѣчалъ Борисъ. Я объясню тебѣ всѣ неясности, познакомивъ тебя со сдѣланными мною выписками изъ самыхъ рѣдкихъ изданій, находящихся въ книгохранилищахъ Европы. Ты самъ увидишь, что я вовсе не увлекаюсь и что великая мудрость была достояніемъ древнихъ истинныхъ масоновъ, этихъ маговъ, передъ которыми самые ученые мудрецы—жалкие невѣжды. Но всѣ эти знанія, вся эта мудрость великой науки о духѣ и матеріи, исчезли вмѣстѣ съ древнимъ міромъ. Впрочемъ, есть указанія на то, что если и не вполнѣ, то все же въ значительной степени она и теперь сохранилась въ недостижимыхъ для насъ глубинахъ Индіи, среди тамошнихъ браминовъ. Но что же дѣлаемъ мы—масоны, искатели истины? Вмѣсто того, чтобы ревностно подбирать крупики этихъ великихъ растерянныхъ знаній, мы ограничиваемся хорошими словами. Я посѣщалъ много масонскихъ собраній въ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, я надѣялся, что хоть гдѣнибудь сойдусь съ мужами знанія, и, представь себѣ—вездѣ видѣлъ то же самое, что и у насъ, даже хуже нашего! Масоны на западѣ лицемѣрятъ еще больше. Ложи не имѣютъ въ себѣ ровно ничего масонскаго. Это просто тайная политическая общество. А между тѣмъ ты самъ знаешь, что политика не должна входить въ кругъ дѣйствій масонства...

— Да, не должна входить въ кругъ дѣйствій масонства, повторилъ Бѣльскій; но скажи мнѣ, обязанъ ли человѣкъ, будучи масономъ, быть равнодушнымъ къ политикѣ, быть равнодушнымъ къ жизни своего отечества?

— Я не говорю этого!

— Вотъ то-то и есть! внезапно оживляясь воскликнулъ Бѣльскій.—Если ты замѣтилъ, или вскорѣ замѣтишь, быть можетъ, нѣкоторое охлажденіе съ моей стороны къ отвлеченнымъ вопросамъ, то это потому, что жизнь выставляетъ другіе вопросы, насущные, отъ которыхъ никуда не убѣжишь и не скроешься, да отъ которыхъ, по моему, и позорно бѣгать. Ты два года провелъ въ Россіи, ты отдохнулъ, освѣжился. Но вѣдь мы здѣсь задыхаемся! И въ такой атмосфѣрѣ жить невозможно, и съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже!..

Борисъ нахмурился и не перебивалъ. А тотъ продолжалъ все съ возрастающимъ жаромъ:

— Помнишь, послѣ войны, какъ жилось хорошо! Мы тогда были очень юны, были почти дѣти; но вѣдь ужь и тогда мы понимали многое. Да наконецъ спроси людей зреѣлыхъ—всѣ скажутъ одно и тоже. Да, жилось хорошо! Впереди было свѣтло, сколько надеждъ!.. Государь, просвѣщенный, покрытый славой, любящій свой народъ, думавшій только объ его благѣ, надѣявшійся повести этотъ народъ впереди другихъ націй къ счастью, къ свободѣ!.. Лучшіе русскіе люди, свѣтлые умы начинали получать вліяніе. Казалось, не было сомнѣній въ томъ, что умственная жизнь получитъ у насъ самое широкое развитіе...

Какая дивная перспектива! Вождь Россіи, освободившій западные европейскіе народы отъ ига деспота, своимъ собственнымъ примѣромъ, примѣромъ своего обширного государства укажетъ путь къ благу всего человѣчества! Страна юная, которую еще недавно западные европейцы считали варварской, опередить всѣ другія страны!

И что же?! Года шли. Прошло десять лѣтъ—и какая печальная перемѣна! Какое страшное несчастіе обрушилось на бѣдную Россію! Человѣкъ столь разумный, столь благородный и возвышенный, питавшій въ себѣ такие великие планы, уже клавшій первые, твердые камни благихъ начинаній, вдругъ опустилъ руки... Совершилось нѣчто ужасное, непостижимое! Онъ оказался во власти изверга, грубаго злодѣя, звѣря и

невѣжды, котораго самъ же когда-то—это не выдумка, я знаю навѣрное—самъ же считалъ таковыми!.. Аракчеевъ околдовалъ его. О, еслибы онъ только могъ видѣть настоящее положеніе! Но онъ не въ силахъ ничего видѣть среди чаръ этого чудовища!..

Да, мы задыхаемся... У кого есть уши, чтобы слышать, и глаза, что-бы видѣть—ежедневно видятъ и слышать ужасы. Знаешь ли ты что дѣлается? Знаешь ли до какихъ предѣловъ дошла жестокость съ крѣпостными? Вѣдь ихъ пытаются! пытаются, выбиваются изъ этихъ несчастныхъ подушные сборы кнутомъ и палкой! Я прошлое лѣтоѣздили къ себѣ въ деревню и самъ убѣдился во всѣхъ этихъ ужасахъ. Два моихъ ближайшихъ сосѣда, дворяне старого рода, принятые въ обществѣ какъ порядочные люди, устроили у себя, конечно насиленнымъ образомъ, гаремъ, завели „jus primae noctis“,—еще хуже того, такъ что противно обѣ этомъ и разсказывать. И это вѣдь не исключение, и все это дѣлается не втихомолку, не со страхомъ кары, а открыто, съ полнымъ сознаніемъ своей безнаказанности, своего права!

Потомъ послушай, что разсказываютъ наши старые товарищи, которые теперь офицерами въ различныхъ частяхъ войска... Вдумайся только, что значитъ двадцатипятилѣтний срокъ службы для солдата... и какой службы?!.. Вѣдь каждый начальникъ—это тотъ же помѣщикъ, распоряжающійся со своимъ подчиненнымъ какъ съ вещью!.. Судь нашъ—это позоръ! Справедливыхъ решений нѣтъ. Всюду взятки, всюду кривда! Что тутъ подѣлать усилие отдѣльныхъ людей. Да и гдѣ эти люди?! Аракчеевщина все придушила. Всюду шпиона! Слова сказать невозможно! Имѣть у себя рукопись комедіи „Горе отъ ума“ Грибоѣдова—уже преступленіе. Можно пропасть, прочтя въ дружескомъ, повидимому, кружкѣ, стихотвореніе Пушкина „На свободу“, или поэму Рылѣева „Войнаровскій“!..

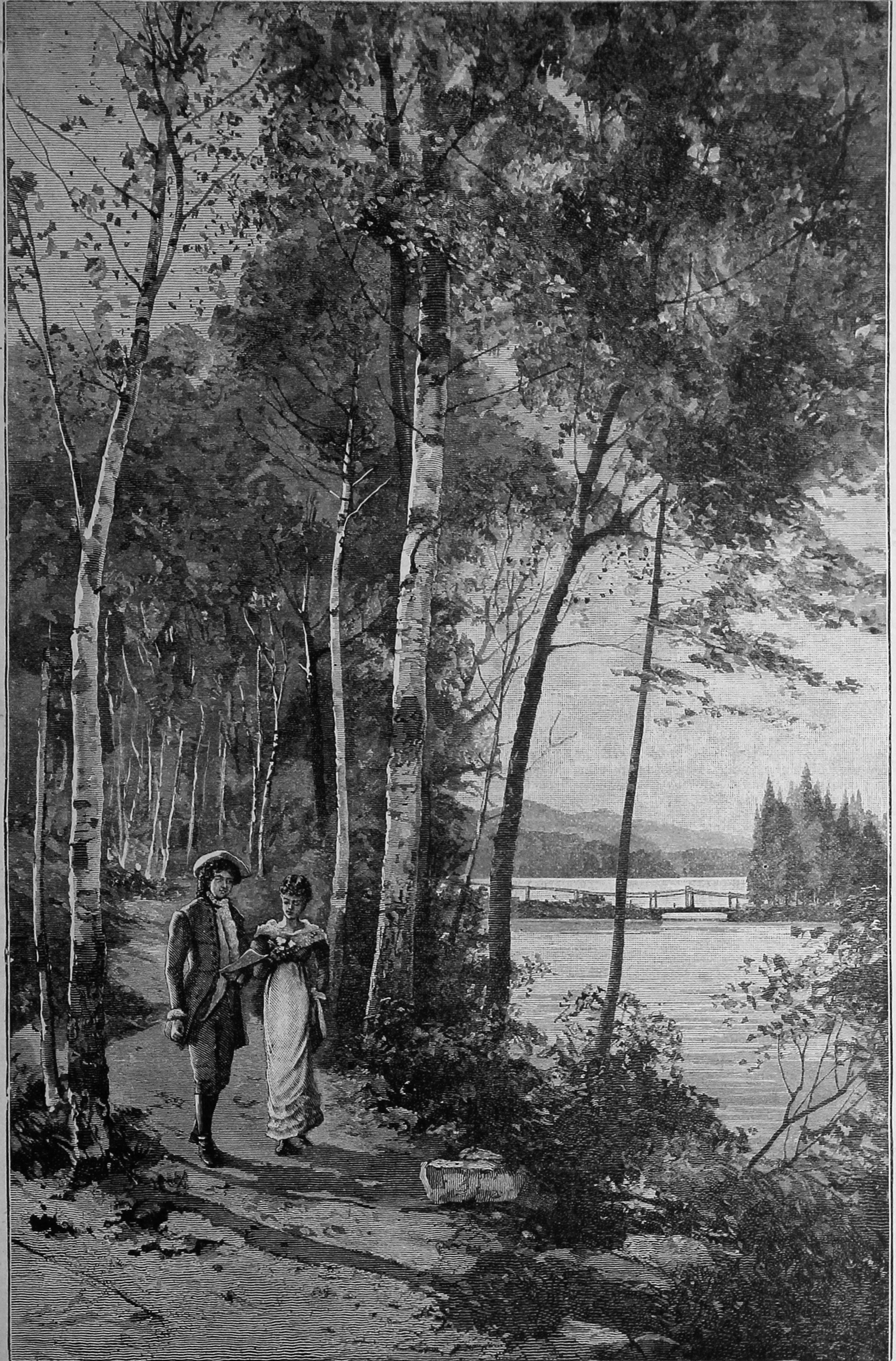
— Ты сказалъ мнѣ мало новаго, проговорилъ Борисъ.—Все это я знаю, все это томительно! И ты напрасно думаешь, что я заграницей отдохнулъ и оживился. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ я былъ занятъ не одними духовными вопросами. Я присматривался къ жизни. Всѣ государства Европы въ печальномъ положеніи, хотя оно, быть можетъ, и не такъ безотрадно, какъ наше. Я возстаю только противъ смѣшения разнородныхъ вещей, мнѣ противна всякая фальшивь и лицемѣrie. Я хотѣлъ бы видѣть въ масонствѣ одно масонство; но вмѣстѣ съ этимъ нисколько не нападаю на то, если человѣкъ принимаетъ къ сердцу общественные недуги и ищетъ средства къ ихъ исцѣленію... Все дѣло только въ томъ, какое средство...

— Средство найдено—Европа уже его употребляетъ въ дѣло и достигаетъ цѣли... перебилъ Бѣльскій.—Существуетъ зло—и начинается борьба съ этимъ зломъ. Тамъ замѣтны попытки, серьезныя попытки высвободиться изъ подъ гнета; решительно и смѣло дѣйствуютъ карбонарии, въ Испаніи силою добываютъ себѣ конституцію... Ну, а у насъ—задыхаются и трепещутъ, у насъ понимаютъ ужасъ своего положенія и не ищутъ изъ него выхода. Мы рабы, бессильные рабы, мечтающіе только о свободѣ!

Борисъ грустно качалъ головою.

— Да, заговорилъ онъ,—борьба со зломъ... карбонарии... испанская конституція... и всюду кровь и кровь! Воля твоя, мнѣ не вѣрится, чтобы насилиями и тайными убийствами можно было достигнуть святой цѣли... Надо идти прямо, открыто, чтобы дойти съ чистой совѣстью и утвердить алтарь чистыми руками. Надо поискать другихъ средствъ, чѣмъ тѣ, которыя намъ рекомендуетъ Европа... Но послушай, я хотѣлъ спросить тебя... я слышалъ еще недавно кое что о существованіи, будто бы, и у насъ какого то движения, какого то дѣйствующаго общества; но я плохо этому вѣрю.

Бѣльскій такъ и насторожился.

Лѣтомъ. Картина Кильбергъ, грав. Е. Ганзенъ.

— Ты слышалъ? что ты слышалъ? что?

— Да такъ, просто смутный слухъ—ничего больше...

Бѣльский подошелъ къ Борису, положилъ ему руку на плечо и, пристально глядя ему въ глаза своими блестящими, вдругъ загорѣвшимися глазами, почти задыхаясь проговорилъ:

— Борисъ, я тебя знаю, я въ тебѣ увѣренъ какъ въ самомъ себѣ... слухъ вѣренъ, движение существуетъ... есть общество... я—одинъ изъ его членовъ.

Борисъ вздрогнулъ.

— Да? правда? какое общество?

Оно организовано не со вчерашняго дня, оно дѣйствуетъ, дѣйствуетъ серьезно—и на югѣ Россіи, и здѣсь въ Петербургѣ. Если ты хочешь—можешь примкнуть къ намъ. Ты долженъ примкнуть!...

Борисъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Если ты можешь довѣрять мнѣ—будь со мной откровененъ, сказалъ онъ,—если это честное, серьезное общество, которое намѣreno дѣйствовать прямымъ, честнымъ путемъ, безъ всякихъ насилий, безъ всякихъ несправедливостей, если дѣйствія, которыхъ общество это требуетъ отъ своихъ членовъ, согласны съ тѣми правилами жизни, которыя мы, какъ христіане и масоны, обязаны соблюдать,— я конечно присоединюсь къ этому обществу...

— Да развѣ иначе можетъ быть? горячо перебилъ его Бѣльский,—или ты считаешь меня способнымъ быть членомъ общества безнравственнаго, преступнаго?!

— Нѣтъ, не считаю; но прости меня, другъ мой, ты иногда въ состояніи увлекаться, ты можешь быть обманутъ.

Лолковникъ изъ Золотоноши.

Историческая повѣсть.

А. Н. Кирилова.

I.

Послѣ спектакля, часовъ въ одиннадцать вечера одного изъ январскихъ дней 1835 года, катясь глухо по взмѣшенному снѣгу петербургскихъ улицъ,—подѣлжали одна за другою кареты къ обширному дому на Почтамтской улицѣ. Черезъ замерзшія окна еще издали блестѣлъ свѣтъ отъ роскошнаго освѣщенія внутреннихъ покоевъ. Хозяинъ этого дома былъ директоръ почтоваго департамента, Константина Яковлевича Булгакова. Его знало и любило все петербургское общество. По понедѣльникамъ и четвергамъ неширокая Почтамтская улица вся запружалась экипажами, останавливавшимися у его подѣлза. Не званные вечера, не балы, не рауты—то были дружескіе сѣѣзды хорошо знакомыхъ людей, гдѣ играли на биллардѣ, разговаривали въ гостиныхъ... тамъ узнавались и сообщались политическія и общественные новости; время проводилось свободно, пріятно и весело.

Въ первомъ отъ входа, ярко освѣщенному карселями, залѣ стоялъ большой биллардъ,—шла оживленная игра между хозяиномъ дома и графомъ Завадовскимъ, считавшимися лучшими игроками. Собравшійся около нихъ кружокъ любителей—командиръ лейбъ-гусарскаго полка генералъ-маиръ Хомутовъ, баронъ Икскуль, почтовый цензоръ и основатель газеты „le Nord“, молодой Вестманъ, съ любопытствомъ слѣдили за игрой. Графъ остался побѣдителемъ. Состязаніе продолжалось бы долѣе, если бы хозяйка дома, Анна Егоровна, небольшаго роста, миловидная молдаванка, не позвала мужа въ гостиную.

— Великолѣпно, великолѣпно, проговорилъ густымъ, звучнымъ басомъ сидѣвшій въ томъ же залѣ графъ Литта, толстенький старикъ, лѣтъ семидесяти, исполнинскаго роста.—Но настоящаго вашего соперника еще нѣтъ? спросилъ онъ Завадовскаго.

— Графа Вельегорскаго?

— Да, съ нимъ вы откроете настоящій турниръ.

— Но Вельегорскій у Государыни, и можетъ быть не ранѣ часу, графъ.

Обширная, обитая голубымъ штофомъ и убранная въ стилѣ Renaissance гостиная Булгаковыхъ была полна избраннымъ обществомъ. Здѣсь былъ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, оберъ-егермейстеръ, въ короткихъ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ, съ напудренными волосами, съ андреевской алмазной звѣздой на черномъ фракѣ—живая картина придворнаго человѣка старого времени! Нессельроде, отличающійся малымъ ростомъ, но великимъ умомъ, съ тонкими чертами лица и сквозь очки сверкающими проницательными глазами. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, блестящій придворный, всегда съ веселымъ, открытымъ лицомъ; Абрамъ Сергеевичъ Норовъ, авторъ „Путе-

По лицу Бѣльского скользнуло выраженіе большого неудовольствія. Онъ очевидно былъ оскорблѣнъ искренними словами Бориса.

— Хорошо, произнесъ онъ,—допустимъ и это; но въ такомъ случаѣ я не скажу тебѣ ни слова больше сего дня. Дня черезъ три—четыре я попрошу тебя пріѣхать ко мнѣ. Будутъ говорить другое и ты увидишь, увлекаюсь я или нѣтъ, и обманываютъ ли меня. Къ тому же ты, я вижу, утомленъ,—разговоръ занялъ бы слишкомъ много времени. Да и мнѣ пора.

Борисъ пробовалъ было удержать его, заставить его дать хоть нѣкоторыя разъясненія относительно общества; но Бѣльский остался непреклоненъ и уѣхалъ.

Долго послѣ его отѣзда сидѣлъ Борисъ въ глубокой задумчивости.

„Неужели что нибудь дѣйствительно серьезное, честное и достижимое?!“ думалъ онъ.—Можетъ ли быть честнымъ общество тайное? и въ чемъ его тайна? Если оно желаетъ дѣйствительного блага Россіи, если набрались тысячи истинно честныхъ людей и патріотовъ—они должны подписатьсь всѣ подъ обстоятельной, всесторонне обдуманной запиской о томъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ требуется для Россіи. Эта записка должна быть представлена государю.. Онъ разумѣнъ и благороденъ... онъ узнаетъ взгляды лучшей части русскаго общества, онъ будетъ знать на какія силы можетъ опереться, на кого можетъ расчитывать... Вотъ цѣль!... многія тысячи образованныхъ людей... зрѣло разработанные планы... съ этимъ надо считаться!...“

Прекрасныя картины начинали рисоваться въ горячемъ воображеніи Бориса.

шествія по Сициліи“; графъ Киселевъ и другіе. Изъ дамъ блистала своею красотою первая красавица того времени графиня Завадовская, напоминавшая собою роскошную фигуру Юноны; баронесса Икскуль, съ южнымъ типомъ молдаванки, наконецъ сама хозяйка, Анна Егоровна, умная, любезная, милая женщина.

Гостиная была полна; разговоръ шелъ о только что бывшемъ новогоднемъ маскарадѣ во дворцѣ.

Былъ въ то время замѣчательный обычай, что наканунѣ Нового года каждый имѣлъ право являться безъ билета въ Зимній дворецъ. Народу собиралось по нѣсколько тысячъ. Залы и комнаты дворца биткомъ были набиты людьми всѣхъ сословій, причемъ нѣрѣдко рядомъ съ фраками выдѣлялись не очень изящные туалеты. Понятно, что отъ такихъ праздниковъ, неимѣвшихъ ничего подобнаго при другихъ европейскихъ дворахъ, подымалась по всему громадному зданію дворца пыль столбомъ и не могла не портиться драгоцѣнная мебель. Но Государь любилъ ихъ. Величественная фигура Государя Императора, въ шляпѣ съ развѣвающимися перьями, царственно высилась надъ собравшимися тысячными толпами гостей. Маскарадъ заканчивался обыкновенно тѣмъ, что весь Дворъ, одѣтый въ домино, совершаилъ прогулку черезъ всѣ покои дворца и затѣмъ ужиналъ въ театральной залѣ Эрмитажа.

Послѣдній маскарадъ былъ особенно многолюденъ. Среди Двора явились новые лица, роскошь костюмовъ поражала. Но невольно обратила на себя общее вниманіе высшаго петербургскаго общества новая особа, до того времени не показывавшаяся въ Петербургѣ и не бывшая при Дворѣ. Это былъ кавалеръ генералъ, такого же высокаго роста и статнаго какъ Государь, съ которымъ онъ шелъ рядомъ. Его красный бешметъ и бѣлый отороченный собольимъ мехомъ кунтушъ, его бѣлая папаха и Георгіевскій на груди крестъ обращали всеобщее вниманіе. Длинные съ просѣдью усы ниспадали внизъ и указывали на малороссийское его происхожденіе, а открытое лицо съ большими выразительными глазами говорило о его энергіи, смѣлости, а также умѣ и находчивости. Государь и Государыня обращались къ нему особенно милостиво съ вопросами, и за ужиномъ Государь указалъ ему сѣсть вблизи себя. Это не могло не возбудить толковъ и общаго интереса. Старались узнать, кто былъ этотъ счастливецъ, заговорили объ немъ. Между тѣмъ это лицо на третій день нового года уже выѣхало изъ Петербурга и внезапное исчезновеніе его еще болѣе возбудило любопытство.

— Этотъ генералъ такъ быстро исчезъ изъ Петербурга, что никто не успѣлъ съ нимъ познакомиться, вмѣшался въ общий разговоръ вошедшій въ гостиную графъ Литта.

— А вы не слыхали, графъ, о его прошломъ? спросилъ его Норовъ.

— Что-то слышалъ, но не много; а какое его настоящее? въ свою очередь спросилъ Литта.

— Наказной атаманъ казачьего войска.

— Да, но что же такъ приблизило его къ Государю?

И начались о новомъ лицѣ толки и пересуды, часто весьма далекіе отъ истины. Говорили, что онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ нашей переправы черезъ Дунай, спасъ своими распоряженіями жизнь не одной тысячи солдатъ, затѣмъ во все время турецкаго похода, зная Турцію вдоль и поперегъ и зная турецкій языкъ, былъ для нашей главной квартиры не замѣнимъ человѣкомъ.

Другіе утверждали, что онъ былъ простой мужикъ, простой малороссійскій казакъ, что фамилія его Гладкій, что онъ бѣжалъ въ Турцію къ запорожцамъ; тамъ увлекся будто бы одною красавицею-гречанкою, съ громаднымъ значеніемъ при дворѣ султана. Черезъ нее онъ попалъ въ милость къ турецкому правительству и возведенъ въ атаманы, а затѣмъ перешедши къ намъ со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, пожалованъ былъ Государемъ чиномъ полковника.

— А гдѣ-же красавица-гречанка? спросилъ кто-то.

— О! конецъ ея былъ ужасенъ! сказалъ Вельегорскій. Говорить, что когда они воевали противъ грековъ, она была у него на кораблѣ переодѣтою молодымъ казакомъ. Запорожцы, среди которыхъ не должно было быть женщинъ, узнали объ обманѣ и потребовали отъ атамана смерти несчастной. Здѣсь, говорить, будто бы повторилась сцена Стеньки Разина и первидской царевны — атаманъ утопилъ ее въ Эгейскомъ морѣ. Романъ!

— Какой ужасъ! говорили кругомъ.

Не вступая въ общій разговоръ, какъ бы вовсе отдѣляясь отъ общества, сидѣла въ одномъ углу гостиной, рассматривая альбомъ гравюръ, высокаго роста, не молодая женщина, съ тонкими чертами лица и античнымъ профилемъ, указывающимъ на южное ея происхожденіе и на остатки замѣчательной красоты. Она была не стара и не столько время, сколько рядъ самыхъ ужасныхъ душевныхъ потрясеній, положили свой отпечатокъ на ея красивомъ лицѣ. Полные жизни и огня большие черные ея глаза уже не блестали тою живостью, какою отличались въ бывшее время. Она была очень худа. Нѣсколько глубокихъ морщинъ указывали на душевныя ея страданія, а черное закрытое платье, черная же кружевная косынка на головѣ, дѣлали ее похожею скорѣе на монахиню, чѣмъ на свѣтскую женщину.

Все время, когда шелъ разговоръ о Гладкомъ, она поднимала время отъ времени свои задумчивые глаза и старалась не упустить ни одного слова. Разсказъ графа Вельегорскаго произвелъ на нее повидимому сильное впечатленіе; она вдругъ поблѣдѣла, перво придинула къ себѣ альбомъ и опустила голову, начала быстро перелистывать страницы.

— Что за ужасная исторія объ этомъ генералѣ! Какой конецъ этой несчастной гречанки! обратилась къ ней хозяйка.

— Вы будете удивлены, отвѣчала гостья, стараясь казаться спокойною, если я вамъ скажу, что давно знала этого казака.

— Въ самомъ дѣлѣ? И это правда, что онъ утопилъ гречанку?

— Non, quelle idée! Это выдумки, чтобы заинтересовать общество разсказомъ, или это пустые слухи. Нѣть — такого ничего не было. Этотъ человѣкъ съ суровостью запорожца съумѣлъ соединить симпатичныя черты характера. Онъ покинулъ, напримѣръ, въ Россіи жену и дѣтей, но онъ все время объ нихъ помнилъ и заботился. Когда Государь приблизилъ его къ себѣ, онъ могъ бы не признать своего семейства, могъ бы жениться дѣйствительно на красавицѣ, но онъ этого не сдѣлалъ и остался вѣренъ своей казачкѣ...

— Гдѣ же его семья?

— Жена и двое старшихъ дѣтей живутъ съ нимъ, а младшіе — мальчикъ и дѣвочка воспитываются здѣсь на счетъ Государя.

— Вы ихъ видали?

— Да, я ихъ иногда навѣщаю. Милыя малютки, въ особенности мальчикъ, проговорила княгиня, слегка вздохнувъ.

— И атамана видѣли?

— Когда прѣѣзжаетъ въ Петербургъ, онъ бываетъ у меня. Мы съ нимъ большие друзья, насыталась судьба много разъ. Я знала его еще простымъ казакомъ, встрѣчалась съ нимъ въ Греціи. Но ...il se fait tard pourtant, je te sauve, au r  voir, ch  re bagonne, сказала княгиня прощаюсь.

Это была княгиня Маврокордато, одна изъ замѣчательныхъ дѣятельницъ греческаго возстанія. Она рѣдко посѣщала петербургское общество, хотя нѣкогда, во времена Александра I, блестала въ немъ своею красотою и самою тонкою любезностью и изяществомъ. Теперь она удалилась отъ свѣта, изрѣдка навѣщала Анну Егоровну Булгакову, старинную пріятельницу, съ которой сдружилась еще въ Яссахъ, въ домѣ отца ея, молдавскаго воеводы. Рядъ общихъ воспоминаній о тяжеломъ прошломъ, испытанномъ молдавскимъ княжествомъ, соединялъ этихъ женщинъ и еще болѣе скрѣплялъ ихъ дружбу. Въ послѣднее время и домъ Булгаковыхъ княгиня навѣщала рѣдко — она рѣшилась постричься въ монахини.

Но кто же этотъ человѣкъ, о которомъ столько говорили?..

II.

На берегу небольшаго става, поросшаго очеретомъ, поодаль отъ села Мельники, Золотоношскаго уѣзда, стояла двухъборчатая хата. Снаружи, и въ особенности издали, хата, казалось, принадлежала хорошему хозяину: все въ ней сдѣлано было прочно, толково, уютно. Вокругъ хозяйствскія постройки группировались какъ-бы въ небольшой хуторѣ, выдѣлявшейся отъ прочихъ казачьихъ построекъ, тянущихся вверхъ по оврагу, на пригоркѣ котораго стояла ветхая, деревянная церковь. Ставъ окаймлялъ огородъ, на которомъ круглились пузатыя тыквы и желѣзли широкіе подсолнухи; правѣе за тыномъ виднѣлся небольшой садъ съ вишнякомъ и черемухою. Картина однако перемѣнялась, если ближе подойти къ хутору: вмѣсто видимаго довольства и порядка обнаруживалась во всей своей наготѣ нужда, безхозяйственность и заброшенность. Издали не видимые провалы на соломенной крыше представлялись теперь черными пятнами, изъ которыхъ выглядывали полусгнившія жерди; крыльцо повалилось на бокъ и вотъ-вотъ готово рухнуть, заваливъ самый входъ въ хату; окна вмѣсто стекла затыканы рухлядью; высокій бурьянъ выросъ на дворѣ и въ саду, оставивъ еле пробитую тропинку къ небольшому огороду. Словомъ, свѣтлое впечатленіе, глядя на хуторъ издали, сразу мирилось вблизи его и что-то тяжелое навѣвало на душу, какъ-бы указывая, что вотъ де было когда то здѣсь довольство и радость, а теперь запустѣніе.

Изъ хаты вышла молодая казачка, высокая и стройная. Черные какъ смоль волосы выглядывали изъ подъ очика и окаймляли красивое и правильное лицо. Густыя рѣси и черные брови дугою клади на ея и безъ того большие темные глаза отпечатокъ глубокой, тихой грусти. Вмѣстѣ съ казачкою, держась за ея платье, выбѣжалъ толстый мальчуганъ. Федосья, такъ звали казачку, закрывъ глаза рукавомъ отъ солнца, осмотрѣлась кругомъ, какъ бы ища кого-то.

— Осинъ, а Осинъ, крикнула она.

— Га! послышался голосъ изъ подъ тына.

— Ходи скорѣе до хаты, братъ Максимъ пришелъ.

— Заразъ, былъ отвѣтъ.

Изъ подъ тына приподнялся казакъ лѣтъ 25-ти, молодой, красивый. Атлетическія формы указывали на необычную силу его. Высокий, плотный, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ неуклюжъ, какъ часто бываютъ атлеты. Гибкость, стройность и подвижность фигуры, рѣзко выдѣляли его между казаками малороссами. Это былъ красавецъ, съ тонкими правильными чертами лица, какія нерѣдко встрѣчаются среди малороссійского казачества. Недаромъ, когда ему было всего 18-ть лѣтъ, его до безумія полюбила первая красавица села Краснохижины — Феня. Она отвергла искательства и предложения пана писаря изъ Золотоноши, бросила веселыя вечерницы, на которыхъ за пею гонялись парубки изо всего округа, и связала свою судьбу съ нимъ. И Осинъ стоилъ этого. Что-то рѣшительное, твердое, повелѣвающее проглядывало во всей его фигурѣ. Смѣлый, открытый взглядъ, твердая ровная поступь, молодцоватая осанка — все сказывало въ немъ, что онъ сохранилъ черты казака старого времени, черты уже начавшія блѣднѣть среди малорусскаго населенія. Осина уважали и любили за его прямоту и добродушіе.

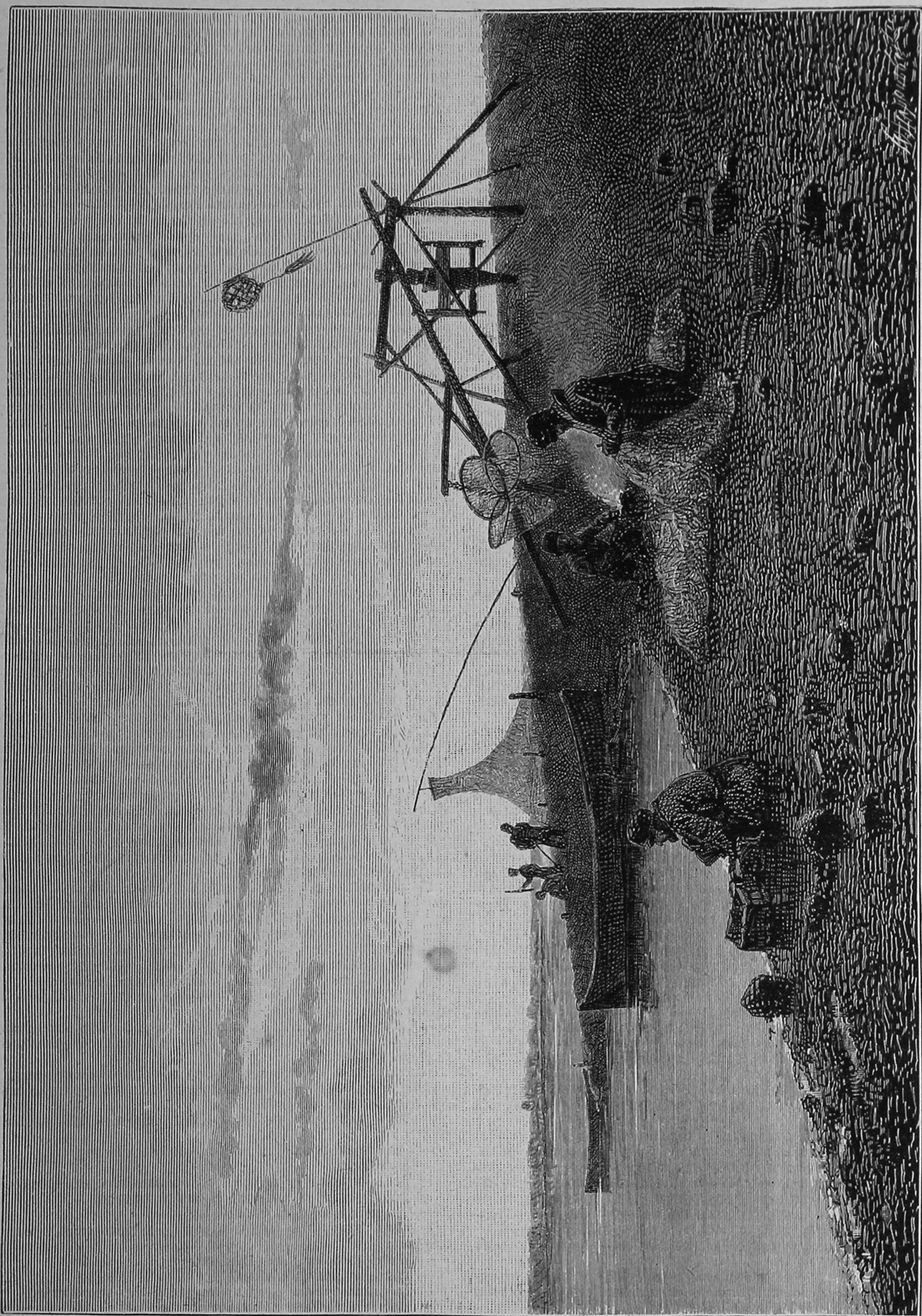
Еще при жизни отца, въ самый разгаръ войны, Осину выпалъ жребій въ солдаты. Отецъ поставилъ на его мѣсто наймича. Не понравилось это Осину: „Чему ты, батько, не пускаешь меня сослужить службу государю; знаешь, не лежить мое сердце къ хозяйству, тянетъ меня отсюда“ говорилъ онъ отцу. Но отецъ слышать не хотѣлъ объ этомъ; онъ только и мечталъ женить поскорѣе сына и передать ему домъ и хозяйство. Многихъ трудовъ и энергіи стоило старику привести хозяйство въ тотъ порядокъ, въ какомъ оно находилось; обидно ему было оставлять его на чужія руки. Самъ-же онъ былъ слабъ и чувствовалъ приближеніе смерти. Осина онъ обучилъ грамотѣ и смотрѣлъ на него какъ на единственную поддержку. Другой сынъ, Максимъ, былъ еще подростокъ.

Къ веснѣ стариkъ умеръ. Въсемнадцатилѣтній Осинъ принялъ домъ и взялъ на свое попеченіе младшаго брата. Безъ хозяйки, безъ должнаго дозора за работниками, хозяйство Осина плохо шло. Однажды онъ хотѣлъ даже распродать все имущество и уйти на Кубань, но нечаянная встрѣча и внезапное увлечение краснохижинской красавицей Феней остановила его намѣреніе. Къ осени онъ женился, но молодая, избалованная и неопытная Феня мало чѣмъ поправила дѣло, хозяйство все болѣе приходило въ упадокъ и разстройство. Осина совсѣмъ бросилъ плугъ.

Между тѣмъ и до этого глухаго мѣста уже доходили слухи о русскихъ походахъ, о покоренныхъ земляхъ, о чудесахъ заморскихъ, о подвигахъ русскихъ войскъ. Время было тревожное. Слухи эти воспламеняли воображеніе молодаго казака, пробуждали въ немъ энергию и побуждали уйти отъ однообразной, скучной деревенской жизни. По деревнямъ въ то время размѣщали раненыхъ солдатъ. Ихъ разсказы Осинъ слушалъ съ особеннымъ увлеченіемъ. Зазоветъ къ себѣ въ хату москаля, велитъ Фенѣ подать цаляницъ, коржиковъ, ковбасъ, поставить горилки да и слушаетъ до поздней ночи какъ бились при Бородинѣ, при Тарутинѣ, какъ гнали супостата. Впечатлительная

Разсвѣтъ въ лѣсу. Картина В. Орловского, по фотогр. Вишнякова, грав. М. Рашевской.

На р. Волховѣ, на тоняхъ. Ориг. рис. Н. Зиновьева, грав. Ю. Барановскій.

натура живо воспринимала все это; избыток силь кипятилъ молодую кровь; тихая жизнь какъ бы въ тискахъ держала молодаго казака. Осипъ сталъ молчаливъ и грустенъ. Ничто не могло вывести его изъ задумчивости. Онъ томился. Страдала и Феня. Она не могла понять, что стало съ мужемъ. Ее—онъ не разлюбилъ: онъ ласковъ къ ней, соперницы не было. Чего же скучаетъ онъ, чѣмъ тяготится? Ходила къ захаркѣ, взяла заговоръ, травки, на которой настояла горилки для мужа,—не помогло. Безсонные ночи, да горячія слезы измѣнили и Феню: изъ веселой, бойкой казачки стала такая молчаливая и тихая; облако тихой грусти заволокло веселое и добродушное лицо ея. Сосѣди видѣли это и стали поговаривать, что у Гладкихъ что то не ладно, не добро.

Прошло семь лѣтъ такой тяжелой жизни. У Осипа уже было четверо дѣтей: два сына и двѣ дочки. Братъ Максимъ уже женился и потребовалъ выдѣль. Максимъ ни въ чемъ не походилъ на брата. Это былъ скупой казакъ-хозяинъ, скопидомъ, себѣ на умѣ. При раздѣлѣ лучшую часть земли, лучшихъ воловъ онъ взялъ себѣ, оставилъ Осипу домъ, усадьбу и двѣ запольныя полоски земли. Неспособность къ хозяйству, невыгодный раздѣль, увеличеніе семьи притянули въ домъ Осипа непрощенную гостью—нужду со всѣми ея тяготами. Теперь Осипъ задумалъ уходить на заработки, куда Богъ приведеть, и у него шелъ тревожный и серьезный разговоръ съ женой и братомъ. Если братъ не возьметъ за себя ихъ хату-батьковщину и не уплатить долги, все пойдетъ въ чужія руки... Въ руки закладчика и кулака деревни—рыжаго Кравчука...

— Куда же ты идти задумалъ! спрашивала съ тоскою жена.
— Пойду на Поморье. Тамъ, говорятъ, заработка хороши;

письменному человѣку, кажутъ, тамъ двойная цѣна.
— Скоро собираешься? говорилъ Максимъ.

— А сегодня, отвѣтилъ рѣшительно Осипъ.

Заслышиавъ эти слова, Феня кинулась къ мужу.

— Желанный мой, дорогой мой, начала она причитать, рыдая навзрыдъ.—Осищушка, на кого ты меня покинешь, что я буду съ ребятами дѣлать, куда преклоню свою голову. Не оставляй меня, бери съ собою, начала молить Феня валяясь въ ногахъ мужа.

— Полно жинко, полно не печалься. Черезъ годъ вернусь, Богъ дастъ воживемъ на славу. Максимъ-брать тебѣ не оставить, прибавилъ онъ.

Тотъ услышалъ съ удивленіемъ новость, но не выказалъ своихъ чувствъ. Ему это было удобно.

— Что же можетъ такъ и лучше; просить здѣсь нечего, отвѣтилъ Максимъ растроганнымъ голосомъ. Феня намъ не чужая; не будетъ гнушаться насъ, а мы ей рады.

Максимъ, скопидомъ и человѣкъ суровый, однако это говорилъ искренно. Ему, въ самомъ дѣлѣ, стало жалко брата. Оказанное имъ участіе къ Федосѣ, смягчило не очень расположеннаго къ нему Осипа.

Братья долго сидѣли за столомъ, разговаривая о предстоящемъ; сообщали другъ другу предположенія, все слышанное ими о Поморѣ, о цѣнахъ за работу въ тамошнихъ мѣстахъ и вообще, рѣшили, что тамъ хорошему человѣку жить еще можно и даже привольно. Одна Федосѧ ходила, понуря голову, какъ убитая. Разставаніе съ мужемъ для нея было страшно тяжело... жизнь въ чужомъ домѣ... какъ все это будетъ? Не довѣряла она Максиму, не вѣрила въ его участіе.

За полночь братья разстались; къ свѣту собрался Осипъ. Того въ дорогу набила чѣмъ нашлось мѣшокъ Федосѧ для мужа. Дѣти спали. Еще не всходило лѣтнее солнце, только чуть забрежило на востокѣ блесковатымъ свѣтомъ. Осипъ и Феня стояли передъ образами на колѣняхъ и долго молились.

И вотъ они прошли...

Глухой, нервный плачъ казачки раздался по хатѣ. Ребенокъ въ люлькѣ заплакалъ. Приподнялась, спавшая на палатяхъ, маленькая дочка Федосѧ, вытирая заспанные глазенки, и не зная чего мама плачетъ.

Перекрестивъ жену и дѣтей, вышелъ Осипъ изъ хаты. Уже зардѣлися огненные полосы отъ выступающаго солнца. Федосѧ проводила мужа за межу. Еще разъ простившись съ нимъ, она долго стояла на заворотѣ, глядя, какъ понемногу уходилъ онъ вдали, по чумацкому пути...

Пустой и унылой показалась ей хата, когда она вернулась домой. Осмотрѣлась она кругомъ, глянула на дѣтей и залилась горькими слезами.

Она была одна, и изливалось ея горе потокомъ горькихъ слезъ. Машинально она начала прибирать вещи. Проснулись дѣти. Пока накормила ихъ и возилась съ ними Федосѧ, солнце уже взошло высоко. Пришелъ Максимъ, запрѣгъ пару воловъ въ телѣгу, положилъ на него Федосѧ скарбъ, усадилъ дѣтей ея и собрался былоѣхать. Блѣдная Федосѧ сняла образа, и только-что хотѣла было идти за возомъ, какъ вошелъ Кравчукъ.

— Чего-же такъ скоро собралась, Федосѧ? обратился онъ къ ней.

— Бувайте здоровы и счастливы на нашемъ мѣстѣ, проговорила она, отворачиваясь, чтобы не показать своего волненія.

— Пожила бы здѣсь, я тебя не гоню молодица.

— Спасибо на добромъ словѣ, сказала она, кланяясь Кравчуку и пошла догонять возъ.

Противны ей показались и Кравчукъ, и Максимъ, и старая хата—Осипова батьковщина—и запущенный ихъ огородъ.

III.

Это было въ двадцатомъ году текущаго столѣтія. Новороссійскій край и вся наша Черноморская окраина еще не были къ тому времени заняты осѣдлымъ населеніемъ. Тучная степь, покрытая густою травою, еще ожидала руку человѣка, разсчитывала на его энергию, трудъ и предпримчивость. Море, вѣзывающее въ степь заливами, бухтами, указывало на удобство сбыта. Сама природа вызывала человѣка и какъ бы говорила, что трудъ его вознаградится сторицей.

Еще съ прошлаго столѣтія, потянули къ этимъ новымъ мѣстамъ южно-русскаго Эльдорадо колонизаторы разныхъ странъ и разныхъ народностей. Явились туда греки и армяне, сербы и болгаре, далматы и чистокровные германцы. Потянулся туда и русскій народъ со всѣхъ концовъ Россіи, ища заработковъ, свободы и свободныхъ земель. Въ одиночку и артелями, по большимъ и малымъ дорогамъ, шли туда, нанимаясь въ косари, селясь по балкамъ и займищамъ, образуя разнохарактерныя заселія. Не опоздалъ туда и капиталистъ-эксплуататоръ, занявъ лучшія мѣста, распахавъ большія поля и обеспечивъ себя легкимъ сбытомъ къ Поморью. Въ двадцатыхъ годахъ съ южной полосы непротяжной степи, бокъ о бокъ съ берегомъ моря, окаймляли степь уже нѣсколько колоній, принадлежащихъ грекамъ или германскимъ уроженцамъ, весьма скоро успѣвшимъ разбогатѣть отъ избытка барышей, доставляемыхъ благодатною почвою. Кругомъ этихъ, вновь созданныхъ хозяйственныхъ оазисовъ уже въ то время тянулись обширныя поля пшеницы и великолѣпныя пастбища, на которыхъ паслись громадныя стада тонкорунныхъ овецъ; уже къ тому времени эти оазисы служили гостепріимнымъ пріютомъ для всякаго издалека бредущаго люда, предоставляемъ ему заработокъ. Трудъ дорого цѣнился; онъ былъ нуженъ круглый годъ: трава сохнетъ, пеziѣла ишеница горитъ и обсыпается, а здѣсь, на Поморѣ, ожидаются корабли дорогаго товара, за который владѣлецъ тотчасъ же получаетъ чистое золото; стада овецъ, стрижка ихъ и мытье шерсти требуетъ еще большаго труда, а тамъ рыболовныя снасти ожидаются сотенъ рукъ, и нагрузка и выгрузка товаровъ. Колонизаторы изъ-за моря, заселивъ окраины юга, съ радостью встрѣчали тянувшійся съ сѣвера бродячій людъ.

По запыленной чумацкой дорогѣ быстро шелъ молодой казакъ. Передъ нимъ необозримая силошная степь, по которой извивалась полосою дорога. Ни сель, ни хуторовъ не было видно. Изрѣдка попадется высокій шестъ, съ надѣтымъ на концѣ пучкомъ ковыля, обозначающимъ мѣсто покинутой овчарни. Изрѣдка повстрѣчается обозъ съ солью, которую везутъ чумаки изъ Крыма въ Малороссію, раздается пѣнье жаворонка, и тишина, царственная тишина, окружаетъ казака.

Отъ большаго чумацкаго шляха, въ сторону къ берегу моря, шла малоѣжая дорога къ виднѣющемуся вдали хутору. На перекресткѣ стоялъ шинокъ, около которого толпились косари, расположившись группами и поджидая разсчета за недѣлю. Говора почти не слышно. Одни сидѣть за плетнемъ, скрываясь отъ жаркаго утренняго солнопека, другіе стоять у самаго входа въ шинокъ, нетерпѣливо ожидая выхода прикащика. На подошедшаго къ толпѣ Осипа никто не обратилъ вниманія. Какой-то долговязый парень спросилъ было его не изъ Кременчуга-ли онъ, но получивъ отрицательный отвѣтъ, снова растянулся за плетнемъ на завалинѣ.

Но вотъ толпа заволновалась и изъ шинка вышелъ наконецъ небольшаго роста, блокурий, лѣтъ тридцати, малый. Онъ былъ одѣтъ въ шерстяномъ, коричневомъ камзолѣ, какой носили тогда колонисты. Физіономія обнаруживала въ немъ швабское происхожденіе. Вынувъ листъ бумаги, онъ началъ выкрикивать фамилии, коверкая ихъ на нѣмецкій ладъ. Каждый вызванный имъ рабочій, получивъ разсчетъ, отходилъ въ сторону.

— Ты чего ждешь? получилъ? обратился онъ къ Осипу, который остался одинъ около шинка.

— Онъ не вѣшинній, съ большой дороги, Генрихъ Карловичъ, крикнуло нѣсколько голосовъ изъ толпы. Кругомъ шутили и смѣялись.

Генрихъ Карловичъ осмотрѣлъ съ ногъ до головы Осипа.

Осипъ, не обращая вниманія на грохотавшую толпу, осматривалъ Генриха Карловича.

— Ты можетъ быть работы ищешь? спросилъ его наконецъ швабъ.

— Если подходящая, отчего-же, отвѣтилъ Осипъ.

— Ты косарь?

— Вишь, и косы у него нѣть, проговорилъ кто то смѣясь.

— Такъ что же ты знаешь? спросилъ нѣмецъ.

— Что нужно будетъ, то и знаю.

— Какъ такъ, что нужно будетъ, — можетъ статься ты мастеровой.

— Мастерства не знаю никакого.

— Такъ что же ты знаешь?

— Да развѣ только и дѣла, что косьба, да мастерство.

— Такъ стало быть ты грамотный, по конторской части хочешь служить.

— Грамоту немного маракую.

— И записать что можешь?

— И записать, запишу, отвѣчалъ Осипъ, пытливо смотря на нового знакомца.

— Такъ ты нужный человѣкъ, проговорилъ скороговоркой Генрихъ Карловичъ. Толпа тоже притихла: грамотный человѣкъ въ то время былъ рѣдкостью и къ грамотному рабочему людъ питалъ уваженіе.

— Есть мѣсто прикащики на пристани, хочешь, занимай его, сорокъ карбованцевъ жалованья, предложилъ Генрихъ Карловичъ уходя въ шинокъ.

Осипъ ушамъ не вѣрилъ. Едва перешелъ степь, какъ уже его нанимаютъ, да еще даютъ такія деньги, какихъ онъ и во снѣ не видывалъ. Онъ принялъ мѣсто. Въ степи эти дѣла дѣлались скоро и просто. Генрихъ Карловичъ спросилъ только, какъ зовутъ, откуда онъ, и объявилъ, чтобы онъ ѿхалъ съ нимъ на хуторѣ; а черезъ полчаса, Осипъ, рядомъ со своимъ нанимателемъ, сидѣлъ уже въ зеленомъ фургонѣ, быстро мчась на парѣ пѣтихъ лошадокъ по степной равнинѣ, перерѣзанной то свѣтло-желтыми полями созрѣвающей пшеницы, то зелено-юющими камышами и песчаными косами, указывающими близость моря. Послѣ долгаго пути пѣшкомъ, ему весело стало чувствовать, что вотъ онъ уже сидитъ въ спокойномъ нѣмецкомъ фургонѣ, что дѣла его сразу устроились. Окружающая мѣстность еще болѣе радовала и успокаивала впечатлительного казака. Тамъ, вдали, у небосклона, какъ бы покрытые легкимъ туманомъ, оттѣнялись голубые холмы, а немножко выше плыли нѣжныя, перистыя облака. Кругомъ шумѣла по вѣтру степная трава. Картина однообразная, но величавая, успокаивающая. Изрѣдка оживлять однообразіе картины важно расхаживающія по пустырямъ драхвы, или еле передвигающія ноги аисты, да высоко рѣюще въ поднебесы коршуны. Задумался Осипъ. Все было для него ново. Привольно, широко и свободно кругомъ. Застопрѣлся онъ на голубую полосу обозначавшуюся вдали великаго моря... Скоро они приѣхали.

На морскомъ берегу устроена была деревянная пристань, недалеко вдающаяся въ море; отъ берега весьма скоро уже начиналась достаточная глубина для кораблей. Здѣсь же на берегу, почти рядомъ, гдѣ кончалась пристань, темнѣли срубы нѣсколькихъ большихъ амбаровъ. Выше, на склонѣ покатаго косогора, раскинулась колонія „Блюменталь“, принадлежащая Іоанну Гоффу, выходцу изъ княжества Рейсъ-Шлайца. Изъ-за высокой, каменной ограды, выглядывалъ небольшой крытый желѣзомъ домъ, въ которомъ жило семейство Гоффа, состоящее изъ отца, высокаго здороваго шваба, съ утра до вечера хлопочущаго и работающаго, вѣчно суетящагося, вѣчно спящаго, то въ полѣ, то на пристани, то на молотѣ; изъ его жены, худой, маленькой нѣмки и жирнаго сонливаго ихъ племянника, Генриха, который привезъ Осила въ колонію. Исторія этого выселенца поучительна. Еще въ самомъ началѣ царствованія Александра Павловича, Гоффъ былъ въ Нѣжинѣ частно практикующимъ врачемъ, и случай его свелъ съ ревизующими Слободско-Украинскую губернію сенаторами Нелединскимъ-Мелецкимъ и Лопухинымъ. Узнавъ отъ возвращавшихся изъ Новороссіи рабочихъ, о богатствѣ тамошнихъ мѣстъ, плодородіи почвы, онъ просилъ сенаторовъ дозволить ему выбрать себѣ мѣсто на побережїи Чернаго моря и устроить тамъ колонію. Дозвolenіе было получено. Съ этимъ разрѣшеніемъ, долговязый Гоффъ, съ котомкою за плечами, пристроившись къ какой-то рабочей артели, прибылъ въ Новороссію. Выборъ земли былъ нетруденъ. Онъ увидалъ глубокую балку, по бокамъ которой разстилались живописные холмы и пригорки, а въ глубинѣ протекалъ быстро со свѣжею здорововою водою ручей, несшій эти чистыя воды въ море. Чудное мѣсто для пристани. Внимательный глазъ практическаго нѣмца сразу оцѣнилъ выгоды мѣстности. Въ Херсонѣ онъ скоро выхлопоталъ себѣ на эту землю данную, и на другой годъ, затративъ свои сбереженія, переселился въ новое мѣсто, обзаведясь только самимъ необходимымъ для колониста. Затѣмъ—пятнадцать лѣтъ упорнаго труда и терпѣливатаго ожиданія. На подмогу, Гоффъ вынѣсалъ себѣ изъ Шлайца племянника своего, Генриха. Прошло нѣсколько лѣтъ и вотъ теперь Гоффъ уже распахиваетъ болѣе пяти тысячъ десятинъ подъ пшеницу, заготовляетъ сѣна до семи тысячъ коненъ, имѣетъ болѣе 40000 головъ хорошей породы овецъ. Здѣсь уже колонія образцовая по всему побережью. Отъ дома тянутся по косогору огромные хлѣбные амбary, сараи для склада шерсти, далѣе четырехугольникомъ идетъ громадная рига, а между нею и домомъ зеленѣеть фруктовый садъ; наконецъ, нѣсколько далѣе, рядъ небольшихъ хатъ для рабочихъ, которыхъ здѣсь собирается иногда до двухъ тысячъ человѣкъ.

Лѣтъ пять тому, Гоффъ познакомился въ Одессѣ съ константинопольскимъ купцомъ-грекомъ, Илью Семеновичемъ Анагностопуломъ и предложилъ ему принимать отъ него шерсть и пшеницу прямо изъ колоніи, и обязался устроить на берегу моря пристань. Дѣло сладилось и Гоффъ ведетъ уже значительную отпускную торговлю съ Аѳинами и Константиполемъ. Осипъ поступилъ прикащикомъ при амбарамъ. На его обязанности лежало принимать хлѣбъ и шерсть изъ амбаровъ экономіи, и затѣмъ отпускать для нагрузки на корабли. На берегу моря ему отведена просторная хата. На одной половинѣ помѣщается онъ,

а на другой—состоящіе въ его вѣдѣніи пятеро рабочихъ и еще стряпуха. Осинъ зажилъ на славу.

Работа однако была не легка. Чуть свѣтъ, до солнца, долженъ онъ быть начать ссыпку хлѣба. Цѣлый день подтягивались все новые обозы, работа кипѣла безостановочно, вплоть до заката солнца.

Только и отдыха было что послѣ заката солнца. Дневная палляща жара спадала и съ моря тянула свѣжій вѣтеръ. Быстро падавшія сумерки какъ чернымъ саваномъ вдругъ окутывали все. На небѣ мерцаютъ звѣзды, въ окнахъ колоніи свѣтятся огоньки. Море непроглядно черно и отъ ночной зыбы, изъ таинственной глубины его, словно слышится какой то могучій гулъ... Задаетъ громко гдѣ то хуторская собака, за нею откликается еще двѣ-три, защелкаетъ длиннымъ клювомъ аистъ и опять все смолкнетъ, только слышится протяжный, могучій, таинственный гулъ...

Любиль тогда сидѣть казакъ на берегу моря. Вдыхаетъ онъ полною грудью свѣжій морской воздухъ, и тянетъ его куда-то вдали, въ эту темную, непроглядную мглу. „Поработаю здѣсь, думаетъ неутомленный казакъ, къ осени отошлю Фенѣ грошій, а самъ попытаю еще гдѣ нибудь счастья. Не ужиться мнѣ въ колоніи“, рѣшилъ онъ. Пылкому и мечтательному казаку тяжело выполнять аккуратную работу прикащики, хотя имъ пока и довольны.

Къ концу лѣта стало менѣше. Обмолотъ и ссыпка почти окончились. Корабельная еще не начиналась. Кругомъ колоніи вытянулись стройными рядами, съ улицами, какъ городокъ какой, громадная скирды хлѣба и сѣна. Осипъ свободнѣе. Онъ теперь думаетъ о семье, о Фенѣ. Ему тяжело и грустно. Изъ собранныхъ денегъ, съ возвращающимися на родину рабочими, онъ посыпаетъ Фенѣ сорокъ рублевиковъ.

Вначалѣ сентября, уже поздно вечеромъ, Осипъ сидѣть у окошка своей хаты. Свѣжій воздухъ обдаетъ его широкую, могучую грудь. Мечты занесли казака далеко. Вотъ ему чудится, что онъ въ Цареградѣ, потомъ на берегахъ Эгейскаго моря; вотъ ему чудится, что онъ носится по Черному морю, со своими удалыми товарищами, громя и разнося бусурманское племя. Сказалась кровь казацкая. Тѣсно показалось. Душа рвалась на волю, гдѣ бы можно показать свою отвагу и людей посмотреть. Мечты его перебилъ вошедший мальчикъ.

— Панъ зоветъ, Осипъ Михайловичъ.

— Панъ? спросилъ изумленно Осипъ, удивляясь, зачѣмъ въ такую пору онъ понадобился Гоффу.

— Иди сюда Осипъ, встрѣтилъ его Гоффъ на крыльцѣ и проводя его по коридору въ самую послѣднюю комнату. Въ комнатѣ сидѣлъ высокаго роста грекъ, уже пожилой, въ красной фескѣ и въ курткѣ, расшитой золотомъ. Онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ Осила. Гоффъ тихо притворилъ дверь и сталъ ходить по комнатѣ.

— Что, остался у насъ свободный амбаръ на пристани? спросилъ онъ, наконецъ.

— Небольшой есть, чтѣ у моря, отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ что, Осипъ, амбаръ будешь нуженъ; туда придется на время сложить товаръ; ты этотъ товаръ примешь въ Одессѣ и привезешь сюда.

— Какой товаръ? спросилъ Осипъ, посмотрѣвъ на Гоффа и на грека.

— Это до тебя не касается. Черезъ часъ поѣдешь съ Илью Семеновичемъ въ Одессу, на зарѣ паймешь двадцать пять подводъ, наложишь товаръ гдѣ тебѣ укажутъ и свезешь на купеческую гавань. Тамъ спроси контору г-на Анастопуло и прикащики Александра Легіоса. Въ ночь на завтра выѣдешь въ морѣ, и непремѣнно къ утру будь сюда.

— Не лучше ли на волахъ товаръ довезти, возразилъ Осипъ; мѣста-то здѣшнія мнѣ неизвѣстны, какъ бы не запутаться въ морѣ, да еще ночью.

— Не бойся. Съ тобой будетъ Легіосъ и опытные матросы. Легіосъ знаетъ эти мѣста, вмѣшался грекъ, еще разъ посмотрѣвъ на Осила.

— Да вотъ еще что, началъ снова Гоффъ, тихо и таинственно. Когда будешь обходить никольскую косу, вѣсъ остановить кордонъ. На баркасъ войдешь таможенный стражникъ, ты ему подашь эту бумагу, онъ пропустить. Собираися же, да смотри не болтай чего не нужно.

— Я и такъ-то не люблю болтать,—что мнѣ, отвѣчалъ обидчиво Осипъ.

— Потому-то я тебя и выбралъ, успокоилъ его Гоффъ, провожая до крыльца.

— Годится? спросилъ Гоффъ своего старого друга, возвращаясь въ комнату.

— Малый кажется толковый, отвѣчалъ грекъ,—объясняться съ нимъ много нечего.

Они налили два стакана прекраснаго кипрскаго вина.

— За успѣхъ дѣла! Какъ бы на кордонѣ не остановили.

— На кордонѣ не остановятъ, тамъ наши. Пей, Иванъ Карловичъ, мы тебя дорого отблагодаримъ.

— Мнѣ вашей благодарности не нужно, отвѣтилъ съ разстановкою Гоффъ. Я съ вами народъ и съ тобою, Илья Семеновичъ, веду дѣло давно, и этого довольно.

— Но вѣдь это и услуга особаго рода.

— Какая? Это что я даю вамъ сарай? Услуга не большая.
— Все таки держать такой товаръ опасно, тревожно скажалъ грекъ.

— Э! Илья Семеновичъ, покачивая головою отвѣчалъ Гофъ, кабы было опасно, я бы не пошелъ на это.

Анагностопуло успокоился, всѣ таможенные были на его сторонѣ—онъ это зналъ.

— Да, вспомнилъ я, обратился онъ къ Гофу, остановившись противъ него и говоря шепотомъ.—Двадцать четыре тюка съ чернымъ крестомъ—это порохъ. Тамъ, около ста двадцати пяти пудовъ. Съ ними нужно какъ можно осторожнѣе, да положить слѣдуетъ на подмосткахъ, чтобы не отсырѣлъ. Остальные тюки съ ружьями и свинцомъ. Съ тѣми не опасно. Но вѣдь съ порохомъ бѣда. Какъ ни говорите, Иванъ Карловичъ, а казака придется предупредить.

— Придется. Онъ парень вѣрный, съ головою.

Въ полночь у подъѣзда стоялъ фургонъ, на козлахъ которого сидѣлъ небольшаго роста грекъ. Анагностопуло указалъ Осипу мѣсто рядомъ съ собою. Ночь была тихая и звѣздная, но и темная, такъ что зги Божіей не было видно. Кучеру и лошадямъ дорога была знакома,ѣхали скоро. Анагностопуло молчалъ, Осипъ смотрѣлъ въ ночную темь, какъ бы желая разглядѣть ее. На душѣ у него лежало что-то смутное, именно то, что бываетъ на душѣ, когда ожидаешь чего нибудь неизвѣданаго, новаго.

Они тихо переговаривались. Грекъ разспрашивалъ Осипа, кто онъ и откуда. Осипъ рассказалъ, что хотѣлъ уйти на волю, на Кубань...

— Эхъ, воля, воля! проговорилъ Анагностопуло.—Вамъ хорошо, казакамъ, вы все таки подъ властью Царя православнаго, у васъ не отнято ничего, ваше ничто не нарушено, а что мои земляки терпятъ въ Турціи, у бусурманъ, Боже упаси!

— Нашъ Царь заступится, отвѣчалъ тихо Осипъ, немного помолчавъ.

Спутники задумались и замолчали. Ночь была тихая, темная. Издали послышался глухой крикъ болотной птицы, по дорогѣ замерцали свѣтляки.

Вѣличайшій въ мірѣ телескопъ въ Пулковѣ.

Успѣхи наблюдательной астрономіи такъ тѣсно связаны съ успѣхами оптики, что каждое улучшеніе въ области этой послѣдней, влечетъ за собою новыя открытия въ астрономіи, которая въ свою очередь служить подтвержденіемъ или опроверженіемъ существующихъ теорій, построенныхъ исключительно на выводахъ математического анализа. Мы позволяемъ себѣ напомнить читателю, какую службу въ рукахъ знаменитаго Галилея сослужила его первая зрительная труба, которая была немного развѣ посильнѣе нашего астрономическаго бинокля. Лишь только онъ направилъ свою трубу на Венеру, какъ оказалось, что эта планета имѣеть такія же фазы, какъ и луна, чѣмъ было сдѣлано самое блестящее и вмѣстѣ съ тѣмъ самое наглядное доказательство справедливости теоріи бессмертнаго Коперника, утверждавшаго, что не земля есть центръ вселенной, а что напротивъ, всѣ планеты врашаются около солнца по круговымъ орбитамъ. Но это было сдѣлано при помощи первой, очень слабой зрительной трубы. Съ усовершенствованіемъ трубъ сдѣлались доступны для нашего глаза такія области неба, разстояніе до которыхъ можно считать бесконечнымъ. Единственно благодаря трубамъ, мы знаемъ, что млечный путь есть скопленіе безчисленнаго множества безконечно удаленныхъ отъ насъ звѣздъ. Нѣкоторыя туманности звѣзднаго неба разложены, т. е. доказано, что онѣ суть ничто иное, какъ такія же скопленія звѣздъ, какъ и въ млечномъ пути; другія даже въ самые сильные изъ существующихъ телескоповъ представляются такими же туманностями, какъ и для невооруженного глаза. Но можетъ быть онѣ такъ же представляютъ скопленія звѣздъ, но только сила нашихъ телескоповъ недостаточна для того, чтобы обнаружить это? Съ другой стороны есть основаніе думать, что эти туманности ничто иное, какъ громадная скопленія мелкой космической матеріи или „звѣзднаго порошка“, какъ называется ее Гершель, изъ которой вслѣдствіе сгущенія около одного центра образовалась и наша солнечная система; въ болѣе сильные телескопы мы, можетъ быть, ясно увидимъ центральное ядро и даже самый процессъ этого образования.

Въ виду того значенія, какое имѣеть сила телескопа въ астрономическихъ изслѣдованіяхъ, нельзя не гордиться тѣмъ, что мы въ скоромъ времени будемъ имѣть величайшій въ мірѣ рефракторъ, сила которого превосходитъ вдвое теперешній 15-ти дюймовый Пулковскій рефракторъ. Длина трубы старого прибора 22 фута, а „полезное увеличеніе“ *) въ 900 разъ. Вѣсъ линзы около 40 фунт., а оправа $34\frac{1}{4}$ ф. Диаметръ нового объектива 0.76 метр., или 30 англ. дюйм. Вѣсъ линзы въ 8 разъ болѣе прежней, т. е. 320 фунт., а съ оправой около 571. Длина трубы будетъ 45 фут., а увеличеніе въ 1800 разъ. Этотъ объективъ

*) „Полезнымъ увеличеніемъ“ называется тотъ предѣлъ, при которомъ увеличеніе не служить въ ущербъ ясности изображенія. Выдвиганіемъ окуляра можно достигнуть еще большаго увеличенія, но тогда уже теряется ясность и рельефность очертаній наблюдалемаго предмета.

— Да, вотъ что Осипъ, началъ Анагностопуло значительно. Какъ будешь принимать тюки, то съ черными крестами клади поосторожнѣе.

— Съ огнемъ около нихъ поосторожнѣе, нерѣшительно замѣтилъ грекъ.

— Понимаю!

Анагностопуло не возобновлялъ этого разговора. Осипъ началъ догадываться, что товаръ не простой, и что здѣсь что-то кроется...

Съ востока началъ распространяться бѣловатый свѣтъ, съ моря потянулся холодный вѣтеръ, доносившій къ нимъ глухой гулъ морскаго прибоя. Спутники были уже вблизи Одессы. Мимовавъ кордонъ, на которомъ таможенные стражники, по преимуществу греки, оказывали какой-то почетъ Анагностопуло, къ свѣту спутники уже вѣхали въ предмѣстье города.

На греческой улицѣ, около самого базара, фургонъ остановился у большаго двухъ-этажнаго, каменнаго дома, покрытаго черепицею. Широкія ворота и ставни нижнаго этажа были заперты, на улицѣ царила мертвая тишина; городъ еще спалъ.

Стучались долго; послышался, наконецъ, громъ снимавшагося засова, и затѣмъ скрипъ тяжелыхъ отворявшихся воротъ. Фургонъ вѣхалъ на большой, темный, крытый дворъ, подъ навѣсомъ котораго громоздились кипы товаровъ подъ брезентомъ. Въ глубинѣ тянулись большие амбары. По серединѣ двора виднѣлись двѣ громадныя арбы и между ними лежали волы, которые, при шумѣ вѣзвавшаго фургона, лѣниво подняли головы. Слышалось кудахтанье курь, тявкнула собака, заржало лошадь. Анагностопуло скрылся въ темнотѣ за дверью.

Солнце поднялось и окрасило свѣтомъ красныхъ лучей крыши домовъ и амбаровъ. Все ожило, началась обычная торговая суeta...

Анагностопуло куда то пропалъ. Осипъ не видѣлъ его нигдѣ и справлялся съ дѣломъ до вечера одинъ. Въ конторѣ, на пристани, его встрѣтилъ Легіость, онъ же указалъ шхуну, въ которую они должны были сложить грузъ.

Такъ молчаливо и быстро сдѣгалось все дѣло.

(До слѣд. №).

былъ заказанъ фирмѣ „Альванъ Кларкъ съ сыномъ“ въ Америкѣ еще осенью 1879 года, и срокъ, къ которому онъ долженъ быть оконченъ, назначенъ черезъ $3\frac{1}{2}$ года, изъ которыхъ 2 года пошли на отливку стекла, а полтора года на шлифовку. Отливка кронгласа была сдѣлана фирмой Chance Brothers въ Бирмингамѣ, а флинтгласа T. Feil въ Парижѣ.

Соединеніе двухъ линзъ изъ кронгласа и флинтгласа дѣлается для того, чтобы уничтожить, такъ называемую, хроматическую aberrацию. Подъ этимъ именемъ понимаютъ то свойство простыхъ линзъ, вслѣдствіе котораго въ нихъ бѣлый свѣтъ разлагается на свои составные цвета: красный, зеленый, фиолетовый и т. д. Чтобы избѣжать этого, английскій оптикъ Dollond предложилъ ставить позади двояковыпуклой линзы изъ зеленоватаго кронгласа *) еще двояковогнутую изъ бѣлаго флинтгласса **). При извѣстномъ отношеніи кривизны той и другой линзы получается совершенно ахроматический объективъ.

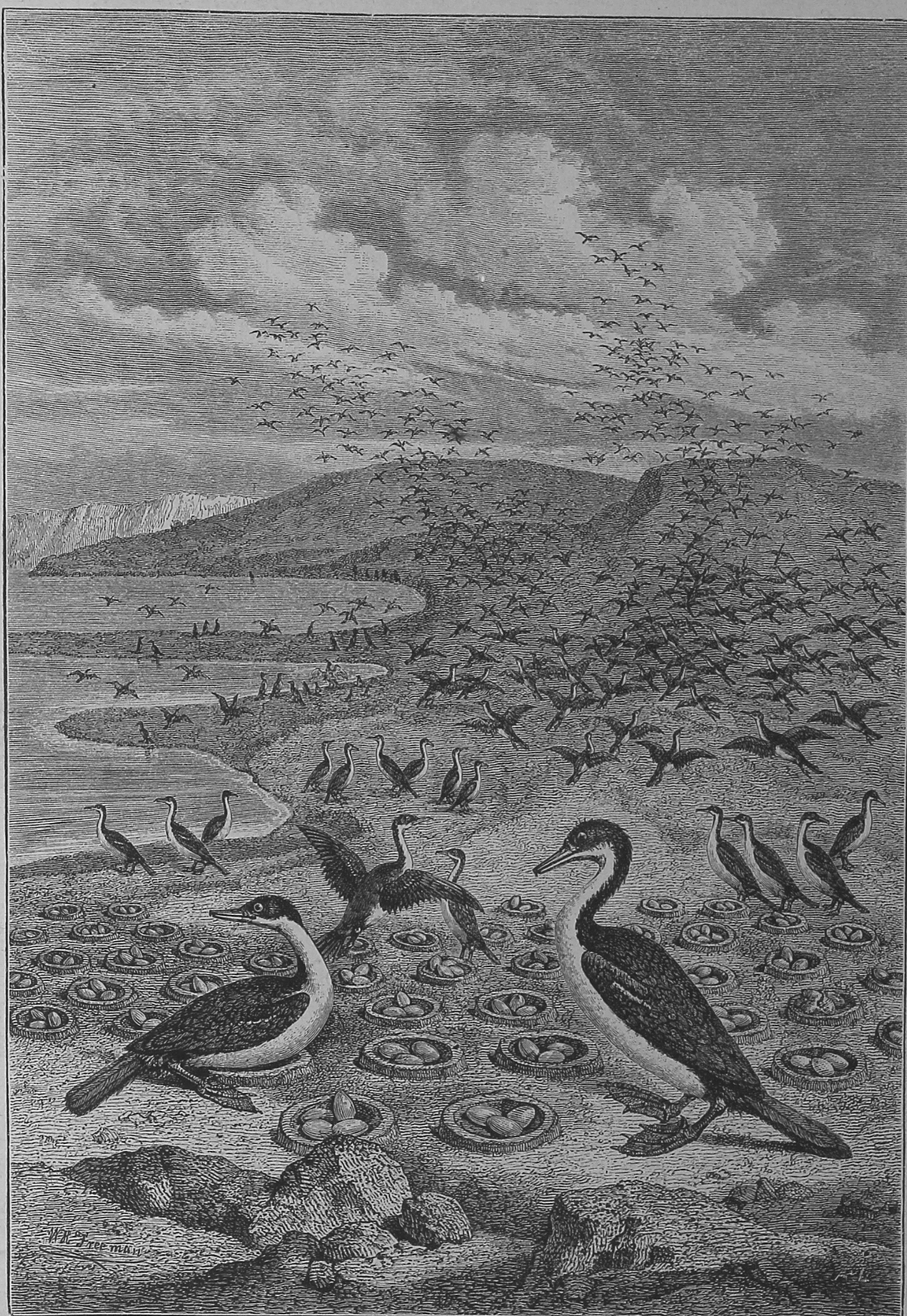
Трудность отливки этихъ стеколъ, какъ ни велика она сама по себѣ, не можетъ сравниться съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, какой употребляется на ихъ отшлифовку. Дѣло въ томъ, что эти стекла должны представлять изъ себя болѣе или менѣе значительную часть сферической поверхности очень большаго радиуса; кривизна ихъ во всѣхъ точкахъ должна быть одна и та же. А потому, если напримѣръ, при окончаніи шлифовки по неосторожности будетъ сдѣлана едва замѣтная для глаза царапина на стеклѣ, то ее нельзя уже уничтожить иначе, какъ снявши шлифовкой со всей поверхности цѣлый слой такой толщины, какъ глубока была царапина. Если линза малыхъ размѣровъ, то при шлифовкѣ если и придется сопшлифовать слой, то не очень большой поверхности; при отдѣлкѣ же большаго стекла этотъ трудъ громаденъ, потому что приходится снимать уже готовый, совершенно отшлифованный слой значительной поверхности, а при дальнѣйшей шлифовкѣ легко сдѣлать и еще не одну царапину, которая въ свою очередь потребуютъ снятія слоя извѣстной толщины.

Шлифовка нашего новаго объектива была произведена, какъ уже выше сказано, фирмой Альвані Кларкъ съ сыномъ въ Америкѣ, и выполнена безукоризненно.

Когда объективъ былъ готовъ, ему было сдѣлано предварительное испытаніе; съ этой цѣлью онъ былъ укрѣпленъ во временную оправу зрительной трубы около 14 метровъ длины. Погода вполнѣ благопріятствовала опыту. Трубу направили сначала на Сатурна, потомъ на Юпитера и на прекрасную туманность въ созвѣздіи Ориона. Эти испытанія вполнѣ обнаружили громадную оптическую силу исполнительнаго объектива; вышепомянутая туманность представилась такъ ясно и въ та-

*) Составъ кронгласа: 120 частей песку, 35 поташу, 20 соды, 15 мѣла и 1 мышьяковой кислоты.

**) Составъ флинтгласса: 42,5 частей кремнезема, 43,5 окиси свинца, 0,5 извести, 11,7 калия и 1,8 глиноzemса, марганцевой и жѣлезной окисей. Части взяты вѣсовы.

Кармoranы на морскомъ прибрежье. Ориг. рис. Фримана, грав. Холлръ.

комъ блескъ, въ какомъ не видѣли ее ни въ одинъ изъ существующихъ телескоповъ.

Изъ Америки стекло было отправлено подъ присмотромъ назначенаго для этого оптика черезъ Гамбургъ моремъ въ Кронштадтъ, откуда на лошадяхъ доставлено въ Пулково. Его везли въ большой и очень массивной желѣзной коробкѣ, внутри которой были сдѣланы мягкия подставки съ зажимами; на этихъ то подставкахъ и лежалъ объективъ своими краями, такъ что при сотрясении стеклу не угрожало никакой опасности. Теперь объективъ помѣщается въ главномъ зданіи Пулковской обсерваторіи, въ такъ называемой „южной залѣ“.

Въ разстояніи 350 фут. на юго-западъ отъ главного зданія обсерваторіи, въ срединѣ котораго помѣщается теперешній главный рефракторъ, строится круглая каменная башня въ 63 фута въ діаметрѣ; высота ея будетъ 55 футовъ. Вокругъ помѣщенія, гдѣ будетъ стоять рефракторъ, идетъ широкая галлерея, въ которой помѣстится часть знаменитой Пулковской библиотеки, которой эта обсерваторія славится чуть-ли не болѣе, чѣмъ своими инструментами. Съ того мѣста, гдѣ строится эта башня, на югъ, востокъ и западъ, можно наблюдать до горизонта; только съ сѣверо-востока нѣсколько мѣшаютъ башни обсерваторіи, а на

сѣверо-западѣ—вершины деревьевъ въ паркѣ. Куполъ башни будетъ сдѣланъ изъ переплетенныхъ желѣзныхъ полосъ, снаружи обшитыхъ тонкимъ тесомъ, а внутри обитыхъ войлокомъ. Подъемные люки предполагается сдѣлать въ 8 фут. ширины. Въ срединѣ этого зданія будетъ сдѣланъ каменный бутъ, на которомъ установится желѣзный массивный стативъ, футовъ 25 высотой, а на немъ уже будетъ укрѣплена труба рефрактора, длина которой, какъ мы уже сказали, 45 фут. Трудно, даже приблизительно, сказать, каковъ будетъ вѣсъ этой трубы со стекломъ, искателемъ и со всѣми тѣми приспособленіями, которыя дѣлаются на концѣ трубы со стороны окуляра. Можно сказать только, что каковъ бы ни былъ вѣсъ этого прибора, вращать его на оси можно будетъ безъ всякаго усиленія, просто рукой, или при помощи микрометренаго винта, потому что удобоподвижность есть первое условіе установки всякаго прибора, который впослѣдствіи придется направлять на различныя точки неба.

Стативъ и трубы заказаны также въ Америкѣ и будутъ доставлены въ Пулково нынѣшней зимой. Надѣются, что къ концу зимы все уже будетъ готово, и весной будутъ произведены первыя наблюденія при помощи этого гигантскаго рефрактора.

Пассатная пыль,

(Очеркъ).

Около сѣверо-западныхъ береговъ Африки, въ мѣстности къ сѣверу отъ экватора, около острововъ Канарскихъ и Зеленаго мыса, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ земного шара, преимущественно въ области пассатныхъ вѣтровъ сѣверо-запада, но здѣсь въ менѣе сильной степени, густая, красноватая пыль затемняетъ атмосферу до такой степени, что даже препятствуетъ судоходству и покрываетъ палубу и снасти проходящихъ кораблей слоемъ значительной толщины. Эта часть Атлантическаго океана носить название Темнаго моря; до исхода пятнадцатаго столѣтія это служило препятствиемъ къ плаванію вокругъ Африки и къ открытію Америки. Такъ какъ эта красная пыль чрезвычайно мелка, то и все явленіе представляеть въ нѣкоторомъ родѣ сухой, красный туманъ. Если во время паденія красной пыли пойдетъ дождь, то капли его принимаютъ кровяной цвѣтъ; такой дождь носить название краснаго или кровяного дождя.

Эту красную пыль приписывали вулканическимъ явленіямъ на островахъ Зеленаго мыса; это, однако, опровергается Дарвиномъ, который посѣтилъ острова Зеленаго мыса въ такое время, когда на нихъ вовсе не было вулканической дѣятельности, а пыльный туманъ былъ, между тѣмъ, очень значителенъ. Это обстоятельство навело Дарвина на другую мысль, а именно, что пыльный туманъ этихъ мѣстъ навѣвается съ Африканскихъ степей, но Эренбергъ, почетный членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, изслѣдовавшій образчики красной пыли, которые ему были доставлены Дарвіномъ, Бартомъ, Фогелемъ, Дюверье и другими учеными путешественниками, говоритъ, что въ Африканскихъ степяхъ нигдѣ нѣтъ на значительномъ пространствѣ подобной красной пыли; — онъ, напротивъ, на наибольшемъ своемъ протяженіи, сѣры и блѣдоваты, пыль-же Темнаго моря съ удивительнымъ постоянствомъ почти вездѣ имѣеть красный, кирпичный цвѣтъ. Эренбергъ изслѣдовалъ подъ микроскопомъ образчики красной пыли и нашелъ, что они смѣшаны съ весьма многочисленными мелкими формами земного происхожденія, которая въ образцахъ, принадлежащихъ разнымъ странамъ и разному времени, представляютъ удивительное постоянство въ своемъ составѣ. Съ одной стороны недостатокъ между ними такихъ формъ, которые свойственны Африкѣ, а съ другой—присутствие формъ, свойственныхъ Южной Америкѣ и именно Гвіанѣ (по образчикамъ, которые были доставлены изъ Гвіаны Шомбургомъ), привели Эренберга къ той мысли, что значительная часть этой пыли происходитъ изъ обширныхъ луговъ Южной Америки. Пыль эта, по своей легкости, поднимается сильнымъ восходящимъ потокомъ воздуха — онъ происходитъ отъ сильного нагреванія воздуха степей—въ верхніе слои атмосферы, переносится верхнимъ (юго-западнымъ) пассатомъ *) чрезъ весь Атлантическій океанъ и, встрѣчаясь съ сильнымъ восходящимъ потокомъ воздуха знойной Африканской плоской вышенности, осаждается тамъ. Такъ какъ причиной появленія этой красной пыли у сѣверо-западныхъ береговъ Африки служить, по Эренбергу, пассатъ, и сама пыль падаетъ, главнымъ образомъ, въ области пассата, то онъ и называетъ ее пассатной пылью. Но надобно сказать, что пассатная пыль встрѣчается и въ области пассатовъ, но не такъ часто и не такъ обильно.

Эренбергъ составилъ карту мѣстностей, гдѣ, когда-либо, наблюдалась эта пыль. Изъ этой карты видно, что наибольшее скопленіе ея замѣчается около сѣверо-западныхъ береговъ

*) Верхній пассатъ—это постоянно, круглый годъ, дующій въ верхніхъ слояхъ атмосферы въ одномъ направлении (отъ юго-запада въ сѣверномъ полушаріи) вѣтеръ; онъ дуетъ отъ экватора и къ сѣверу и къ югу на разстояніи, приблизительно, 30° широты.

Африки отъ экватора до предѣла сѣвернаго пассата, т. е. до 33° сѣв. широты. Въ 1220 г., по свидѣтельству Абделлатифа, эта пыль наблюдалась въ Месопотаміи и Багдадѣ; въ 1810 году — въ Белуджистанѣ, въ степи Сараванъ; въ Китаѣ въ 1853 году и въ окрестностяхъ Сициліи въ 1849 году. Степь Сараванъ, по рассказу Поттингера, объѣхавшаго ее на разстояніи 60 англ. миль, была покрыта чрезвычайно мелкою пылью ярко-кирпичнаго цвѣта, которая даже въ полуденный зной представлялась въ видѣ густыхъ, туманныхъ облаковъ. Борнсъ говорить о страшныхъ тучахъ красной пыли, налетающихъ на Кабуль вмѣстѣ съ ураганами; эта пыль, по азіатско-арабскому повѣрю, бываетъ причиной урожая. Пассатная пыль была, однажды, замѣчена въ Парижѣ, какъ слѣдствіе урагана, шедшаго отъ юго-запада.

Обративъ вниманіе на то, что пассатная пыль была замѣчаема, въ области пассатовъ, главнымъ образомъ, на большей половинѣ земного шара, трудно предположить, чтобы она происходила изъ Южной Америки, трудно предположить, чтобы она неслась чрезъ огромныя пространства земли и осаждалась только въ нѣкоторыхъ, немногихъ мѣстахъ. Если-бы пассатная пыль, поднимаясь изъ луговъ Южной Америки (Гвіаны), неслась верхнимъ пассатомъ, то она, хотя немного, да должна-же была-бы осаждаться по всему поясу сѣверныхъ пассатовъ, а этого не замѣчается.

Противъ объясненія Эренберга возсталъ Эльманъ. Онъ образцовъ пыли не имѣлъ, но собралъ только всѣ случаи—разсмотрѣлъ 1196 судовыхъ журналовъ — пассатной пыли и изслѣдовалъ метеорологическія явленія при каждомъ такомъ случаѣ. Эльманъ вывелъ, что явленіе пассатной пыли наблюдается чаще всего между 9° и 16° сѣв. широты и къ западу отъ Африки не заходить за меридіанъ 38° западной долготы. Въ этомъ пространствѣ судамъ случалось идти въ этой пыли впродолженіи 6—7 дней. Изъ 100 случаевъ пассатной пыли болѣе половины (57 случаевъ) приходится на зиму и только 10 случаевъ на лѣто. Наибольшая густота пыли замѣчается вблизи береговъ Африки. Вмѣстѣ съ пылью падаетъ песокъ: у самаго берега падаетъ, главнымъ образомъ, песокъ, далѣе—пыль съ пескомъ и еще далѣе отъ берега—одна красная пыль, отъ которой даже вода принимаетъ красный цвѣтъ. При сѣверо-восточныхъ и восточныхъ вѣтрахъ пыль наблюдалась чаще всего, т. е. наблюдалась она чаще всего при пассатѣ (нижнемъ). На основаніи всего этого Эльманъ вывелъ заключеніе, что Сахара, и именно западная часть ея, служить причиной пассатной пыли, приносимой оттуда нижнимъ пассатомъ, что доказывается еще и тѣмъ, что она къ сѣверу и къ югу передвигается сообразно съ движениемъ самаго пассата. Понятно, что съ удаленіемъ отъ берега пыль должна очищаться отъ песку. Такъ какъ восточный вѣтеръ бываетъ наиболѣе силенъ зимой, когда разность температуры между малоохлажденнымъ океаномъ и сильно охлажденной Сахарой огромная, то, конечно, въ это именно время года и должна чаще всего появляться пассатная пыль, что вполнѣ подтверждается наблюденіемъ. Лѣтомъ, когда разница температуръ океана и Сахары незначительна, восточный вѣтеръ, вообще, слабъ,—тогда и пыль появляется не tanto часто: слабому вѣтру трудно приподнимать ее съ поверхности земли.

Пассатная пыль служить, вѣроятно, причиной краснаго или кровяного града. Случаевъ такого града известно три: въ Македоніи въ 1194 г., въ Берлинѣ въ 1652 г. и въ Боготѣ въ 1802 г. Градины, вѣроятно, состояли изъ красной пыли въ мерзломъ состояніи. Пассатная же пыль служить одной изъ причинъ образования краснаго снѣга и краснаго дождя.

Къ рисункамъ.

Свадьба во Франции въ XVI столѣтіи.

(Рис. на стр. 708 и 709).

Въ произведенияхъ лучшихъ французскихъ художниковъ настоящаго времени ярко выступаетъ ихъ явное стремление къ давно-прошедшему времени—къ той эпохѣ, когда роскошь и блескъ нарядовъ дѣлали всякое, самое незначительное событие, всякую домашнюю сцену эффектною и достойною кисти художника. Убѣдительнымъ примѣромъ этого можетъ служить помѣщенная нами копія съ картины Башеро „Свадебный договоръ во Франции въ XVI столѣтіи“. Передъ нами моментъ подписания брачного договора; молодой, статный женихъ почтительно цѣлуетъ руку прелестной невѣсты; онъ только что расписался въ договорной книжѣ и еще не успѣлъ выпустить изъ рукъ того пера, которымъ онъ закрѣпилъ на вѣки свою судьбу и судьбу своей невѣсты. Въ роскошной залѣ собралось между тѣмъ въ ожиданіи обряда блестящее общество; нѣсколько дѣвицъ въ роскошныхъ нарядахъ XVI вѣка стоять позади невѣсты и такимъ образомъ служать ей какъ бы торжественной свитой; другие же кавалеры и дамы со вниманіемъ разматриваютъ изящные предметы, выставленные на длинномъ столѣ и предназначенные въ приданое новобрачной. Какъ видите, событие очень простое и не содержащее въ себѣ никакого драматического элемента, въ которомъ бы могло наиболѣе проявить себя художественное творчество. Но задача французского художника состояла не въ передачѣ сильныхъ типовъ и характеровъ; онъ только хотѣлъ написать эффектную картину съ костюмами и обстановкой XVI вѣка и это ему удалось вполнѣ. Картина смотрится съ удовольствиемъ и невольно уноситъ васъ въ то далекое время, когда Франція, подъ влияніемъ своей прелестной королевы Катерины Медичи, съ жадностью начала подражать Италии въ нарядахъ и въ другихъ предметахъ роскоши. Съ Францискомъ I (1515—1545) французский дворъ дѣлается особенно веселымъ и блестящимъ; въ немъ появляется цѣлый рядъ красавицъ, получившихъ званіе придворныхъ дамъ, и содержаніе придворнаго штата уже достигло громадной для того времени суммы—300,000 экю. Роскошь двора мало по малу повліяла и на другія сословія, которая тоже наперевѣ стали щеголять богатыми и дорогими одеждами, такъ что правительство напло даже необходимымъ издавать разные запретительные законы, чтобы обуздать эту страсть къ мотовству и роскоши. Но, конечно, эти законы оказывались недостигающими цѣли. Наряды женщинъ, столь строгіе и скромные въ средніе вѣка, дѣлались все болѣе и болѣе причудливыми и щегольскими; дамы уже начали мечтать о дорогихъ кольцахъ и браслетахъ, обѣ матеріяхъ яркихъ цвѣтовъ и роскошныхъ украшеніяхъ; привычка деколѣтироваться развивалась все больше и больше; искусство плѣнить и нравиться стало для женщинъ главнымъ занятіемъ.

При Генрихѣ II роскошь нарядовъ приняла еще большіе размѣры, такъ какъ жена его, Катерина Медичи, родомъ итальянка, сама любила блескъ и изысканность, которая были тогда общимъ явленіемъ на ея родинѣ. Преемникъ Генриха II, Францискъ II, хотѣлъ удержать этотъ потокъ роскоши, но это оказалось уже ему не подъ силу; его запретительные указы не исполнялись и изъ нихъ то мы узнаемъ, что мужчины и женщины позволяли себѣ значительные расходы на предметы роскоши. Въ тоже время король, однимъ изъ своихъ указовъ, опредѣлилъ для каждого сословія размѣръ приданаго, количествомъ и цѣнностью котораго также любили щеголять другъ передъ другомъ его подданные. Его наследникъ, Карль IX—король, тоже былъ ярымъ противникомъ роскоши, но власть моды была уже выше его власти. Конецъ XVI вѣка не былъ совершенно похожъ на скромное его начало; кромѣ блестящихъ нарядовъ, явились дорогія косметическая снадобья, каждый тратилъ на свой туалетъ всѣ свои средства, и требованія всемогущей моды все становились болѣе тяжелыми и обязательными. Этотъ блескъ и роскошь XVI столѣтія прекрасно изображены на картинѣ нашего художника и здѣсь вы воочию видите яркие, богатые костюмы и всѣ мельчайшія подробности домашней обстановки изысканнаго французского общества этой эпохи.

Лѣтомъ.

(Рис. на стр. 713).

Картина, копія съ которой помѣщена въ настоящемъ №, принадлежитъ кисти талантливой шведской артистки Регины Бильбергъ. Она изображаетъ автора, каждому читающему шведу извѣстной, поэмы „Фритіофъ“, поэта Тегнера, еще юношей, гуляющимъ съ невѣстой своей, Анной Мюрманъ. Ни одинъ любитель литературы въ Швеціи не обойдетъ тихихъ береговъ рѣки Ремена. Передъ нами красивый, старый паркъ. Солнце отражается въ прозрачныхъ волнахъ и густыя березы какъ бы шлютъ привѣтъ пѣвцу и его юной невѣстѣ; полные жизни, любви, надежды на будущее, бродятъ молодые люди въ родныхъ мѣстахъ. И теперь вблизи Ремена, среди вѣковыхъ со-

сень, путникъ находить простой камень, съ выбитыми на немъ начальными буквами ихъ именъ.

Картина талантливой артистки имѣла на прошлогодней художественной выставкѣ въ Стокгольмѣ большой успѣхъ; и пейзажъ и фигуры отличаются значительными достоинствами.

Разсвѣтъ въ лѣсу.

(Рис. на стр. 716).

Копія съ картинѣ талантливаго нашего пейзажиста В. Д. Орловскаго появлялась неоднократно на страницахъ нашего журнала и читатели наши достаточно знакомы со всѣми сторонами симпатичнаго таланта художника. Картина его „Разсвѣтъ въ лѣсу“ отличается его обычными достоинствами. Эта чудная тишина лѣса раннимъ утромъ, лѣса какъ бы замершаго въ пурпуромъ свѣтѣ зари, какъ бы въ глубокомъ безмолвіи ожидающаго восхода великаго свѣтила—передана художникомъ превосходно. Картина эта на послѣдней выставкѣ была замѣчена публикой какъ выдающееся произведеніе.

Тоня на рѣкѣ Волховѣ.

(Рис. на стр. 717).

Волховъ еще въ древности славился своими рыболовными промыслами; такъ ловля сиговъ въ ладожскихъ порогахъ извѣстна была еще въ XII столѣтіи, когда здѣсь существовало особое рыболовное поселеніе Вельсъ или Вельцъ, обѣ которому напоминаетъ до сихъ поръ своимъ названіемъ деревушка Вельцъ, существующая при началѣ самихъ пороговъ. Во время Ганзы здѣсь приставали ладьи иностраннѣхъ купцовъ, когда Новгородъ завелъ торговлю съ нѣмцами и когда Волховъ сталъ главнымъ путемъ ихъ торговыхъ сношеній. Ловля сиговъ производится здѣсь самымъ простымъ первобытнымъ способомъ—нитяными тонкими сачками, прикрепленными къ длиннымъ легкимъ шестамъ. Рыболовы, въ кожаномъ платьѣ, на желѣзныхъ тяжелыхъ подковахъ, снабженныхъ острыми шипами для удобства ходить по плитному дну пороговъ, входятъ въ воду при сильной волнѣ и, становясь на извѣстныхъ мѣстахъ, черпаютъ рыбу будто изъ садка. При хорошей ловлѣ сети попадаются отъ пяти до шести заразъ, а весь уловъ въ лѣто простирается въ прежніе годы отъ 50 до 80 тысячъ и болѣе. Въ настоящее время уловъ сиговъ уменьшился, да и вообще рыболовство на Волховѣ уже не даетъ такихъ крупныхъ барышей какъ прежде.

Неводной ловъ въ Волховѣ начинается сейчасъ послѣ весеннаго разлива, когда рѣка вошла уже въ берега и ловъ по заливнымъ мѣстамъ кончился. Для такого неводнаго лова обыкновенно учреждаются общественные тони, куда собираются нѣсколько ловцовъ. Такъ у Сосницкой пристани собирается на общественную тоню до 15 неводовъ, порядокъ чередованія которыхъ опредѣляется жеребьемъ. Рѣчные волховскіе невода принадлежать, большою частью, каждому одному хозяину, ему же принадлежитъ и весь уловъ, но есть невода, принадлежащіе и нѣсколькимъ ловцамъ вмѣстѣ, раздѣляющимъ между собою добычу, пропорціонально ихъ участію въ составленіи невода. Для распоряженія ловомъ выбирается изъ нихъ одинъ ватаманъ, который уже завѣдываетъ и продажею пойманной рыбы. Въ неводѣ попадаются сначала язь, щука, лещъ, иногда судакъ, а съ іюля начинаетъ ловиться сигъ и сыртъ. Одна изъ тихихъ тонь, существующихъ на Волховѣ, и представлена нашимъ художникомъ.

Кармoranъ.

(Рис. на стр. 721).

По наблюденіямъ извѣстнаго ботаника, доктора Гоокера, сопровождавшаго капитана Росса въ его поѣздкѣ къ южному полюсу, оказывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южнаго полуширія, морское дно походить на громадный затопленный лѣсъ, состоящий изъ гигантскихъ водорослей.

Морскія птицы, населяющія острова этого пояса, принадлежать къ разряду лапчатоногихъ, однѣ къ семье пингвиновъ, другія же къ породамъ утокъ, морскихъ ласточекъ, чаекъ, буревѣстниковъ и кармoranовъ или морскихъ вороновъ.

Изъ этихъ послѣднихъ кармoranъ обыкновенный (*Graculus* или *Phalacrocorax carbo*) водится на берегу Бретаніи и Нормандіи. У этихъ птицъ ноги еще болѣе приспособлены къ плаванію чѣмъ даже ноги домашніхъ утокъ. У нихъ не только передніе пальцы соединены перепонкой, но также и палецъ задній или большой, и такимъ образомъ ноги ихъ составляютъ превосходныя весла. И действительно, кармoranы плаваютъ въ совершенствѣ; они очень легко ныряютъ и вылавливаютъ рыбъ, составляющихъ главную ихъ пищу. Но за то на землѣ птицы эти очень неловки, онѣ далеко отставляютъ ноги и очень неуклюже раскачиваются тѣло. Въ состояніи покоя они держатся въ полувертикальномъ положеніи, упираясь на конецъ хвостовыхъ перьевъ, которая довольно длинны и тверды. Кармoranы очень общежительны, иногда они собираются цѣлыми тысячами

американскомъ климатѣ лежитъ причина той большой нервозности, которую отличаются американцы. Д-ръ Просперъ де Шетро Санта пришелъ къ точно такимъ же выводамъ. Д-ръ Бюхнеръ замѣтилъ, что американцы склоняются къ индійскому типу, признаки чего можно найти не только въ ихъ физическомъ строѣ, но также въ ихъ жестахъ и движеніяхъ. Д-ръ Рекламъ сравниваетъ воздухъ Америки и его вліяніе съ воздухомъ высотъ, гдѣ легкость и сухость его сильно способствуютъ накожному испаренію. При этомъ онъ находитъ въ американцахъ не только физическая особенность, производимая подобнымъ воздухомъ, но также и „умственный особенности, слѣды которыхъ мы, европейцы, можемъ замѣтить, при тщательномъ наблюденіи, и въ себѣ, во время сухаго южного вѣтра“. „Сухой воздухъ — говорить американский докторъ Йонгъ (Young) о своихъ соотечественникахъ—сдѣлалъ изъ насъ какихъ-то нервныхъ, энергичныхъ, ширококостныхъ скелетовъ, не имеющихъ ничего общаго съ высокими, свѣжими, розовыми, флегматичными обитателями Англіи. Во второмъ поколѣніи оказалось потеряннымъ не только физическое сходство, но также и умственное, и идеи чисто британскія уступили мѣсто идеямъ чисто американскимъ, какъ продуктамъ климата, почвы и привычекъ, образующихся подъ вліяніемъ этихъ двухъ факторовъ“. Среди англичанъ преобладаетъ мускульная система; среди американцевъ — нервная. Американскія женщины красивы лицомъ, но никогда по тѣлосложенію; причемъ даже и красота лица скоро исчезаетъ подъ вліяніемъ сухаго раздражающаго дѣятельства американского климата и американской жизни. Англичанки же отличаются долго-сохраняющейся красотой лица и тѣлосложенія.

Сборъ оливковаго масла въ Палестинѣ. Самая лучшая оливковая плантациія въ Палестинѣ, встрѣчаются въ окрестностяхъ Наблуса, но и въ другихъ селеніяхъ онъ существуетъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оливки составляютъ самый цѣнныій продуктъ этой страны, и что изъ него можно бы извлекать гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ это дѣлается теперь, когда культура оливковъ обращаетъ здѣсь на себя мало вниманія и когда къ плантациямъ этого рода относятся съ явною небрежностью. Вся забота объ нихъ ограничивается прививкой, небольшимъ окапываніемъ и удаленіемъ отъ нихъ другихъ дикихъ растеній, и когда это сдѣлано, то можно смѣло надѣяться, что плантациія заплотитъ сторицою за приложенный къ ней ничтожный трудъ. Не даромъ фенохи называютъ фигурантно оливковое дерево *бедавіе*, т. е. арабской женщиной, которая, несмотря на угнетающій ее трудъ и небрежное отношение къ ней мушки, остается сильной и дѣятельной. Оливы спѣютъ къ концу лѣта; деревья тогда обиваются длинными жердями, по съ осторожностью, чтобы не повредить молодые листья и почки. Плоды собираются и раскидываются на кровляхъ или въ другомъ мѣстѣ, и потому на пѣськоѣ времени собираются въ кучу, чтобы они пріобрѣли легкую кислоту; послѣ этого оливы и помѣщаются подъ масличный прессъ и раздавливаются тяжелымъ жерновомъ; окончательно же прессуются они въ соломенныхъ корзинахъ. Масло (зайтъ) собирается въ небольшія цистерны изъ цемента, изъ которыхъ оно уже наливается въ кожаные сосуды или въ широкіе глиняные кувшины для отправки. Фелахъ пользуется имъ какъ освѣтительнымъ и питательнымъ предметомъ, и за непрѣнѣмъ лучшаго, часто довольствуется для утоленія голода, кускомъ хлѣба, омоченнымъ въ оливковое масло. Даже въ городахъ оно имѣть очень широкое примѣненіе въ кухонномъ

Алгебраическая задача № 38.

Одна русская пословица состоитъ изъ 17 буквъ; если замѣнить эти буквы цифрами согласно алфавиту русской азбуки, то получимъ слѣдующія соотношенія:

- 1) Сумма первого числа и послѣдняго равна 32.
- 2) Шестнадцатое число на 2 болѣе суммы пятаго и шестаго чиселъ.
- 3) Сумма первого, седьмаго и девятаго чиселъ равна восьмому числу.
- 4) Суммы девятаго съ десятымъ чиселъ и втораго съ седьмымъ равны между собою.
- 5) Четырнадцатое число относится къ 8, какъ пятнадцатое къ 3.
- 6) Сумма втораго и послѣдняго чиселъ на 1 менѣе удвоеннаго втораго числа.
- 7) Шестнадцатое число относится къ шестому, какъ 2: 1.
- 8) Девятое число относится къ восьмому какъ 1: 3.
- 9) Разность между двѣнадцатымъ и одиннадцатымъ числами на 2 болѣе удвоенного пятаго числа.
- 10) Пятнадцатое число относится къ девятому, какъ шестое число съ седьмомъ.
- 11) Разность между вторымъ и первымъ числами равна четвертому числу.
- 12) Сумма пятаго и шестнадцатаго чиселъ равна 25.
- 13) Удвоенное первое число равно разности между восьмымъ и седьмымъ числами.
- 14) Десятое число относится къ тринацатому, какъ 3: 2.
- 15) Сумма одиннадцатаго и двѣнадцатаго чиселъ на единицу менѣе суммы десятаго и восьмого чиселъ.
- 16) Утроенное третье число на 3 болѣе втораго числа.
- 17) Сумма четвертаго и первого чиселъ равна 30.

хозяйствѣ, но какъ матерьяль освѣщенія оно тамъ употребляется рѣдко, такъ какъ нефть вытѣсняетъ его болѣе и болѣе. Оливковое масло низшаго сорта идетъ на приготовленіе мыла и въ некоторые годы оно вывозится въ большомъ количествѣ во Францію и Италію. Оливковые отброски употребляются для тонки, такъ какъ хорошо горятъ и даютъ значительную теплоту.

Перевозка воды въ видѣ газа. Химикъ Пастеръ, племянникъ знаменитаго микрографа, недавно сдѣлалъ очень удачное практическое примѣненіе одного давнишняго химическаго открытия. Всѣмъ конечно хорошо известно, что при переходѣ черезъ пустыни Африки является необходимымъ для каждого каравана брать съ собою большое количество верблюдовъ или лошадей, которыхъ въ зутъ на себѣ запасы воды часто въ ущербъ другихъ необходимыхъ запасовъ. Пастеру удалось придумать значительное устраненіе этого неудобства — примѣнивъ систему перевозки воды въ видѣ составныхъ ящиковъ кислорода и водорода. Такъ какъ послѣдній въ шестнадцать разъ легче первого и можетъ содержаться въ воздушныхъ шарахъ, то на значительной части верблюдовъ будетъ лежать лишь перевозка кислорода, которымъ, кроме того, можно будетъ еще освѣщать путь каравана въ темныя ночи. Въ случаѣ необходимости, остается лишь соединить оба газа, и караванъ получаетъ воду. Французское правительство пожаловало Пастеру орденъ почетнаго Легіона за это удачное, практическое открытие.

Электрическое освѣщеніе. Результатъ изслѣдований мюнхенскаго проф. Петтенкофера объ электрическомъ освѣщеніи въ театрахъ приводить къ слѣдующему: 1) электрическое освѣщеніе въ значительной степени препятствуетъ излишнему нагреванію воздуха въ театрахъ; 2) само по себѣ, электрическое освѣщеніе не дѣлаетъ излишнею вентиляцію театра, но оно требуетъ гораздо меньшей вентиляціи, чѣмъ газовое освѣщеніе, при которомъ вентиляція должна быть направлена не только противъ порчи воздуха людьми, но также противъ жары и продуктовъ горѣнія пламени, между тѣмъ, какъ при электрическомъ освѣщеніи она имѣть дѣло лишь съ дыханіемъ и потовыми выдѣленіями людей.

Война холостякамъ. Медленный приростъ населенія во Франціи все болѣе и болѣе обезпокоиваетъ французскихъ патріотовъ. Депутатъ Мишонъ рѣшился обратить на этотъ вопросъ вниманіе народнаго представительства и внесъ въ палату законопроектъ о необходимости изысканія мѣръ къ увеличенію числа дѣтей, ежегодно рождающихся во Франціи. Онъ предлагаетъ взимать съ каждого холостяка дополнительный налогъ, не менѣе, какъ въ 1,500 франковъ въ годъ. Кроме того, всѣ женатые французскіе граждане, остающіеся бездѣтными послѣ пятилѣтняго брачнаго сожительства, должны брать себѣ въ пріемыши изъ воспитательного дома мальчика или дѣвочки.

Слоновая кость изъ картофеля. какъ сообщаютъ, приготовляется теперь такъ искусно, что ее нельзя отличить отъ настоящей. Для этой цѣли выбираютъ самыя свѣжія и самыя неповрежденныя картофелины; ихъ обчищаютъ и погружаютъ въ воду, насыщенную сѣрнou кислотою. Послѣ чего они долгое кипятъ въ этомъ растворѣ; но это кипяченіе требуетъ некоторыхъ условій, которыя изобрѣтатель пока сохраняетъ въ секрѣтѣ. Послѣ описанной операции картофелины твердѣютъ и принимаютъ видъ настоящей слоновой кости. Кроме этого, эту искусственную слоновую кость можно окрашивать въ какой угодно цветъ при самой фабрикації.

РЕБУСЪ. Задача № 39.

Рис. И. Венковъ

Рѣшенія магическихъ квадратовъ.

№ 31.

№ 32.

к	о	м	о	к
о	с	и	н	а
м	и	л	а	н
о	н	а	т	е
к	а	н	е	я

к	а	б	а	к
а	л	а	в	а
б	а	р	а	н
а	в	а	л	а
к	а	н	а	л

О ПЕРЕМЪНЬ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемънѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. Б. Венигъ (съ портретомъ).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣй). Исторический романъ Всеволода Соловьева. Часть первая. (Продолженіе). Гл. XIX, XX и XXI.—Полковникъ изъ Золотоноши. Историческая повѣсть А. Н. Кирилова.—Величайшій въ мірѣ телескопъ въ Пулковѣ.—Пасатная пыль. Очеркъ.—Свадьба во Франціи въ XVI столѣтіи (съ рис.).—Лѣтомъ (съ рис.).—Разсвѣть въ лѣсу (съ рис.).—Тоня на рѣкѣ Волховѣ (съ рис.).—Кармранъ (съ рис.).—Мельница въ Санъ-Суси (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Алгебраическая задача.—Ребусъ.—Рѣшеніе магическихъ квадратовъ.—О перемънѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова:

ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ

10 раскрашенныхъ картъ: 1) Земныя полушарія, 2) Европа, 3) Азія, 4) Африка, 5) Сѣверная Америка, 6) Южная Америка, 7) Австралия, 8) реки и горы Европы, Россіи, 9) Европы, Россіи раздѣл. на губерніи, 10) Генеральная карта Европы и Азіи. Россіи. Цѣна 30 коп. Главный складъ въ книж. магазинѣ Цылева (Спб. Фонтанка, 41).

№ 2755 1—1

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣнѣ частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, Гальманинъ продаєтъ въ аптекахъ, а также у дроистовъ значительныхъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное депо находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, мастера фармаціи В. Карпинскаго, улица Электральна, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. Нужно остерегаться поддельлокъ и требовать, чтобы при каждой коробочки находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г. В. Карпинскій мастеръ фармаціи.

2634

Полное собраніе романовъ
Всеволода Сергеевича Соловьева.

Издание А. Ф. Маркса, въ Спб., Б. Морская, № 9.

Княжна Острожская. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Издание 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Касимовская невѣста. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексея Михайловича. СПб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкоромъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Карпъ-Дѣвица. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ частяхъ. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событий—чрезвычайно интересенъ.—СПб. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкоромъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Капитанъ гренадерской роты. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елизаветы описаны здѣсь со своимъ авторомъ талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Конный императоръ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юного Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностран. языки. СПб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Навожденіе. Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Сергѣй Горбатовъ. Историческ. романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, быть ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. СПб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Вольтеръянецъ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“ и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 711 стр. Напечатанъ на велен. бумагѣ съ виньетками. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПб. по купателей дѣлается уступка 10%.

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.

ЧИСТЬШАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА,
лучший столовый и освѣжительный напитокъ,
испытанный при кашѣ, горловыхъ болѣзняхъ и при катарахъ же-
лудка и мочеваго пузыря.

ПАСТИЛИ для пищеваренія.

ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карльсбадъ).

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Склады: у АLEXANDRA VENZELIA, въ С.-Петербургѣ, Казанская, 3.
у Л. КРЕНІГЪ и К°, въ Москвѣ, Петровка, д. Матвеевой.
Р. № 2625 10—6

Самый больший и разнообразнѣйший складъ
земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Ручныя молотилки отъ 70 руб. Одно-
конные съ приводомъ отъ 165 руб. Двухъ-
конные—190 руб. Молотилки 3—8 конные.
Паровыя молотилки. Вѣлки-сортіровки—
отъ 35 руб., жатвенные машины и сѣно-
косилки, конные грабли и сѣноворошилки,
плуги, бороны; насосы, пожарныя трубы
и пр. по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Немедленное и добросовѣстное исполненіе заказовъ для провинціи. Специальные иллю-
стрированные каталоги по востребованію бесплатно.
С.-Петербургъ: Вознесенскій проспектъ, № 11.

Пробная станція машинъ и постоянная выставка: Петровскій паркъ,
домъ Санъ-Галли.
Москва: У Красныхъ воротъ, домъ Раузера.

№ 2756

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
ЮЛІЯ ГЕНРИХА
ЦІММЕРМАНА

Въ С.-Петербургѣ: Больш.
Морская № 42.

Въ Москвѣ: Кузнецкій
мостъ, домъ Торлецкаго.

Рекомендуетъ свой громадный
выборъ всевозможныхъ музыкаль-
ныхъ инструментовъ, по весьма
дешевымъ цѣнамъ. Подробный
прѣсъ-курантъ въ „Нивѣ“ № 16
стр. 383 с. г.

№ 2753

Въ частномъ реальномучилище

ІІ. М. Хайновскаго

Пріемные экзамены будутъ съ 9-го по 13-ое
августа; классные занятія начнутся 16-го ав-
густа. Ирошенія, съ приложениемъ свидѣ-
тельствъ метрическаго и о званіи, прини-
маются въ канцелярии училища по понедѣль-
никамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 2-хъ
до 4-хъ часовъ. Училищу присвоены права
реальныхъ училищъ вѣдомства министерства
Народнаго Просвѣщенія. Ученіки принимаютъ
ся во всѣ классы (въ приготовительный по
программѣ классическихъ гимназій) приход-
ящими и пансионерами. Москва, Тверская,
Брюсовъ пер. д. Рюмина. П. № 2750 1—1

№ 2753

ПѢСНИ ДЛЯ ШКОЛЫ

дѣтскія и народн. на 1 и 2 голоса. Цѣна 80 коп.

ТРЕХГОЛОСНЫЕ ХОРОВЫЕ ПѢСНИ ДЛЯ ШКОЛЫ. Цѣна 75 к.

Состав. Г. Мареничъ. Одобр. СПб. Консер-
ваторіей и Мин. Нар. Просв. № 2745 5—1

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ

въ самомъ богатомъ и изящномъ выборѣ
начиная съ 40 пфенг. за 100 штукъ
высыпаетъ

KÜHN & RICHTER Leipzig-Reudnitz, Kohlgartenstr. 6.

Образцы для агентовъ бесплатно и франко.

S. № 2754 3—1

Первая Русская Школа для изученія зу-
боврачебного искусства Ф. Важинскаго.

Принимаетъ слушателей обоего пола.—Курсы

2½ года. Стоимость всего курса 240 руб.

Плата по полугодіямъ впередъ. Учебный годъ

начинается съ 6-го Сентября.

Адресъ: Гороховая домъ № 16, Учреди-
тель школы Ф. И. Важинскому—въ СПбургѣ.

№ 2733 5—2

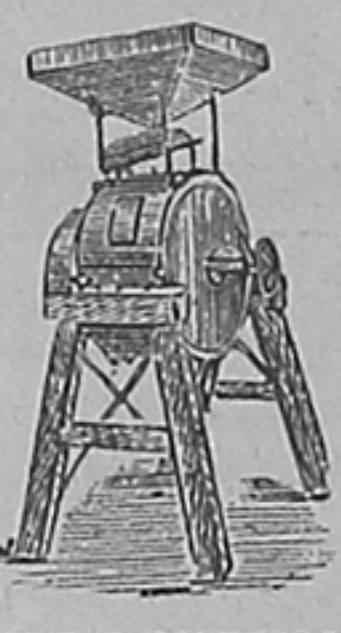
ПРОДАЮЩИЙ

П

УЧЕБНИКИ
изданные Товариществом М. О. Вольфъ:
Архангельский. Хронология всеобщ. ист. Ц. 60 к.
Брю и Буке. Аналитич. геометрия. Ц. 3 р.
Дараганъ. Елка. Азбука и перв. член. Ц. 60 к.
Длусский. Русск. стеногр. христом. Ц. 1 р. 50 к.
Жаменъ и Вильнеръ. Крат. физика. Ц. 3 р. 50 к.
Иллюстрированная история России. Ц. 2 р.
Кауль. Немецкая христоматия. Ч. I. Ц. 60 к.
Кауль. Немецкая христоматия. Ч. II. Ц. 75 к.
Кауль. Руководство и фм. языка. Ц. 65 к.
Классовский. Латинск. граммат. Ц. 1 р. 15 к.
Классовский. Поэзия. Ц. 75 к.
Классовский. Состав. формы словес. произв.
Ц. 1 р. 75 к.
Ладинский. Молитвословъ. Ц. 20 к.
Маленький английский учитель. Ц. 75 к.
Noel & Chapsal. Grammaire. Ц. 50 к.
Nouqué. Grammaire. Ц. 50 к.
Tricos. Leç. de littérature franç. Ц. 1 р. 50 к.
Lafosse. Bibliothèque littéraire. 2 т. Ц. 3 р.
Hainault. Littérature française. Ц. 1 р.
Faillard - Corvin. Chrestom. française. 2 т.
Ц. 2 р. 30 к.
Suzor. Chrestomathie progressive. Ц. 2 р. 50 к.
Cournand. Litterature française. Ц. 1 р.
Livre de lecture et traductions. Ц. 75 к.

Цены обозначены без пересылки, за пересылку слѣдует прилагать по 10 коп. съ каждого рубля стоимости книги.

„ТРИУМФЪ МЕЛЬНИЦЪ“
НОВАЯ МУНОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА,
ИЗОБРЕТЕНИЯ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ
БУРГАРДТЬ И УРЛАУБЪ.

Эта простая, прочная мельница требует для своего полного действия всего 2 крестьянск. лошадей и получают на неё до 8 пудовъ тончайшей муки. Мука выступает из мельницы мягкой и холодной и простота ея доведена до такой степени, что для нея не требуется мельникъ или механикъ. Жернова вращаются вертикально и не требуют частой насыпки. Насыпка очень легка и въ 5 минутъ можно разобрать всю мельницу. Весь мельница 30 пудовъ, цена 175 р., въ Москвѣ 185 р. с. Кроме того, товарищество вновь обращает внимание на знаменитую жатвенную машину Джонстона „Триумфъ“, цѣною въ 300 р., сѣнокосилки Пальмкранца въ 200 р., конные грабли Тигръ въ 75 р., штифтовые молотилки отъ 75 р., американскія вѣялки-сортименты въ 35 р., сѣнной прессъ системы товарищества Бургартъ и Урлаубъ въ 200 р., русскую пожарную трубу въ 115 р., русскій огнетушитель въ 16 р.

ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ
БЕСПЛАТНО.

С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ,
1 линія, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ
Сытова. № 2705 6—6

ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА СТАЛЬНОГО ПАРОВАГО КАТЕРА

силь 10.—Ходъ въ часть 17 verstъ. Устройство весьма прочно и красиво. Вас. Остр. 9 линія, д. 40, кв. 22. Р. № 2748 3—1

КЕРОСИНЪ
(самаго высокаго качества, специально приготовленный для домашнаго употребления, без запаха и копоти)

ПРОДАЕТСЯ

въ магазинѣ А. Левитского, уголь Горсткиной ул. и Фонтанки д. № 75, входъ съ Горсткиной улицы.

по 4½ коп. за фунтъ,
съ доставкой на дому

во всѣ части города Петербурга. Заказы принимаются начиная отъ 10 фунтовъ и исполняются на слѣдующій же день по получении открытого городскаго письма.

Безъ доставки по 4 к. за фунтъ. За цинковую посуду, если таковая оставляется гг. заказчиками, взимается:

за 10 фунтовую — 1 р.; 20-ти фунт. — 1 р. 50 к. и за пудовую 2 р. № 2747

отъ женской классической гимназии

С. Н. ФИШЕРЪ.

(Москва, Остоженка, домъ Буткова).

5 мая текущаго года окончили испытание зрѣлости и получили аттестаты 12 воспитанницъ (выпускъ пятый): Зинаида Шамонина (золотая медаль), Надежда Георгиевская (серебряная медаль), Софья Георгиевская (серебряная медаль), Евгения Макарова (серебряная медаль), Анна Назарова (серебряная медаль), Анна Болтина, Софья Кесслеръ, Анна Иванова, Екатерина Кузнецова, Ольга Поливанова, Александра Положенцева и Анна Потѣхина.

ПРИЕМНЫЯ ИСПЫТАНИЯ 22 АВГУСТА.
Воспитанницы принимаются приходящими и пансионерками. № 2743 2—2

КЪ НАЧАЛУ УЧЕБНОГО ГОДА 1883-4

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербурѣ, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 17 и 18 и въ Москвѣ, на Петровской, д. Михалкова, № 5, имѣются въ наличии, кроме книгъ изданныхъ магазиномъ, учебники, руководства и пособія для всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ начальныхъ, среднихъ и высшихъ, гимназий, мужскихъ и женскихъ, семинарій, народныхъ и городскихъ училищъ, частныхъ пансионовъ, военныхъ школъ и т. п. и т. п., на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Книги эти имѣются безъ переплета и въ переплетахъ, начиная съ простыхъ, но прочныхъ т. и. учебныхъ переплетахъ до роскошныхъ коленкоровыхъ и шагреневыхъ. Учебныя заведенія, обращающіяся непосредственно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ съ требованіями на болѣе значительное количество экземпляровъ, пользуются на учебникахъ и вообще книгахъ изданныхъ Товариществомъ М. О. Вольфъ уступкою. Пересылка производится по почтѣ, по желѣзной дорогѣ и черезъ посредство транспортныхъ конторъ. Заказы исполняются немедленно, но въ виду большого числа заказовъ, накапливающихся въ августѣ мѣсяцѣ, магазинъ просить заблаговременно сообщать требование. — Иностранный отдѣлъ книжного магазина Товарищества М. О. Вольфъ, принимаютъ на себя выписку и доставку всѣхъ учебныхъ руководствъ и пособій на иностранныхъ языкахъ. — Требование просить адресовать:

Въ книжные магазины Товарищества

М. О. ВОЛЬФЪ

въ С.-Петербургъ

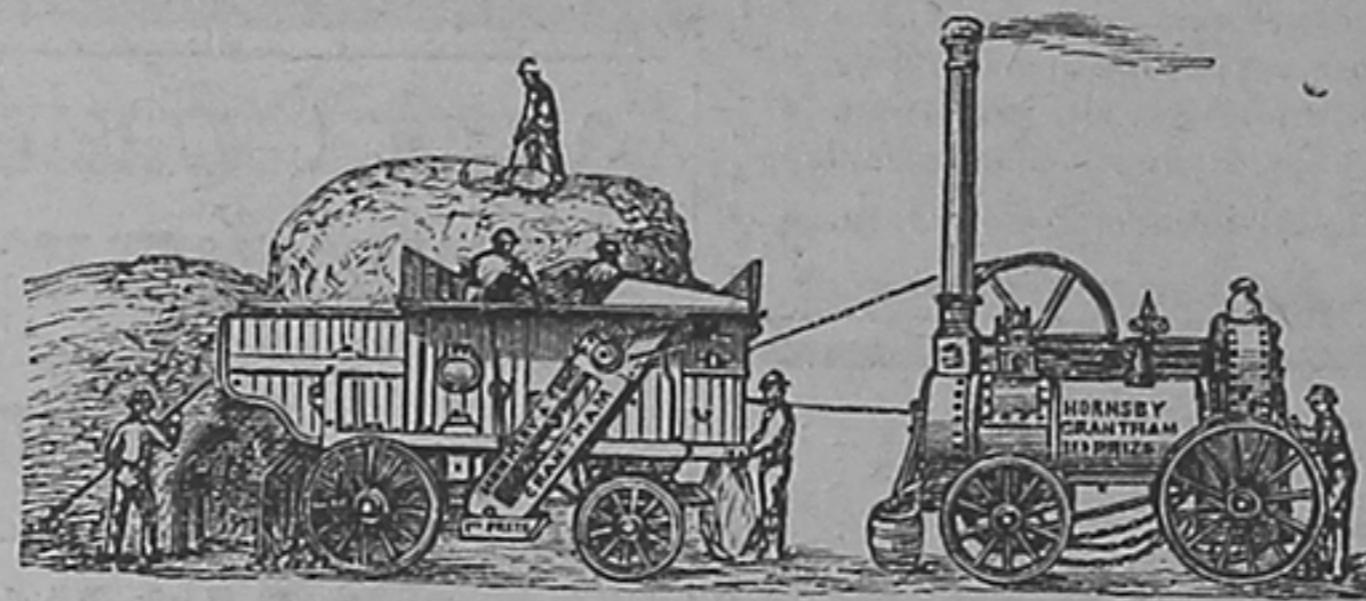
или

въ Москву.

РУКОВОДСТВА и ПОСОБІЯ
изданные Товариществомъ М. О. Вольфъ:
Леонтьевъ. Сборникъ геометрич. зад. Ц. 50 к.
Милюковъ. Очерь исторіи русской поэзіи. Ц. 1 р. 25 к.
Михайловъ. Курсъ естеств. исторіи. Ц. 75 к.
Михайловъ. Зоологич. атласъ. Ц. 1 р. 50 к.
Михайловъ. Курсъ зоологии. Ц. 85 к.
Начатки рисования. Ц. 32 тетрадамъ 2 р.
Ольдекопъ. Разговоры франц.-русск.-нем. Ц. 65 коп.
Петерсонъ. Чистописаніе. Ц. 2 р.
Петерсонъ Чистописаніе. Мал. изд. Ц. 1 р.
Самоучитель рисования. Ц. 1 р.
Тиме. Тригонометрия. Ц. 70 к.
Ученые-свѣты. Сборникъ. Ц. 1 р.
Филипповъ. Географія. Ц. 90 к.
Фринкъ. Русск.-франц.-нем. разгов. Ц. 60 к.
Экардтъ. Строеніе челов. тѣла. Ц. 3 р. 50 к.
Риттеръ. Технич. механика. Ц. 6 р.
Священная исторія для нагл. обуч. Ц. 2 р.
Мори. Физич. географія. Ц. 1 р.
Даль. Словарь великорусск. языка. Ц. 25 р.
Зотовъ. Исторія всемирн. литер. Ц. 25 р.
Штресле. Естественная истор. Ц. 2 р. 50 к.
Яшинскій. Самоучитель франц. языка. Ц. 3 р.
Герштekerъ. Вселенная. Ц. 4 р.
Укупорку магазины принимаютъ на свой счетъ, пересылка же ставится въ счетъ покупателя. № 2752

ЖЕЛАЮТЪ ПРИОБРѢСТИ
хорошо сохранившіеся экземпляры
„НИВЫ“ ЗА 1881 ГОДЪ.

Обращаться въ контору журнала „Нивы“ (Б. Морская № 9).

ВЪ СКЛАДАХЪ МАШИНЪ ГУСТАВА ЛИСТЬ, ВЪ МОСКВѢ,

по Софійской набережной, собствен. домъ и на Мясницкой ул., возлѣ Почтамта, имѣются въ наличии

ПАРОВЫЯ МОЛОТИЛЬНЫЕ МАШИНЫ

англійскаго завода Р. Горнсби и сыновей въ Грентгемѣ, снабженныя всѣми новѣйшими улучшеніями конструкціи

по слѣдующимъ цѣнамъ:

1)	12-тисильный локомобиль съ молотилкой шир. 5½ ф., общій вѣсъ 685 пуд. 6.000 р.
2)	10 " " " 5½ " " 670 " 5.575 "
3)	10 " " " 5 " " 575 " 5.100 "
4)	8 " " " 4½ " " 500 " 4.525 "
5)	8 " " " 4 " " 490 " 4.450 "
6)	6 " " " 4 " " 440 " 3.925 "

Примѣчаніе: Гарнитуры 1 и 2 понимаются съ двухцилиндровыми локомобилями. Цѣны: Со всѣми принадлежностями, не исключая главнаго ремня и съ доставкой на Московскую товарную станцію желѣзной дороги.

Всѣ молотилки имѣютъ соломотрясы, вѣялки и сортименты и построены по особымъ заказу чрезвычайно прочно. Колеса желѣзныя.

При складѣ имѣются также всѣ прочія сельско-хозяйственные машины, какъ-то: жатвенные машины, сѣнокосилки, плуги, вѣялки, вѣялки-сортименты, ручныя молотилки, корчевальныя машины, дробилки, сѣлки, сѣнныя прессы совсѣмъ новой конструкціи и пр. и пр. и пр.

№ 2711 5—5

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЬ
**НОВЫЙ
ПОЛНЫЙ ПРЕЙСКУРАНТЪ**

на англ. велосипеды
2-хъ и 3-хъ колесн. по-
слѣдн. типа, специально
выстроенныхъ для рус-
скихъ дорогъ.
РУССКІЙ КЛУБЪ
Ж. Блокъ, представи-
тель для всей Россіи.
Складъ американскихъ
издѣлій:
Москва, Кузнецкій
мостъ, д. Голицына,
С.-Петербургъ, Невск., № 16, угл. Б. Морской.
Р. № 2736 2—2

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА.
КОСМЕТИЧЕСКИЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ
ЛИЧНЫЕ
УТИРАЛЬНИКИ
КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употр. сперм. утир. кожа лица блѣдается чистою, нѣжною и пріятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, где лицо особенно подвержено влажн. сырости и вѣтра; оно — единственное вѣкное средство отъ веснушекъ и предупрежденія загара; также служить освѣженіемъ кожи, раздраженной дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр.; ихъ удобно всегда иметь при себѣ. Для предупрежденія поддѣлки, прошу требовать на каждой пачкѣ подписи: „А. Энглундъ“, красными чернилами. Пачка 60 к.; съ пересылкою не менѣе 2-хъ пачекъ 2 р.; 4 пачки перес. 3 р. — Получать можно въ „Русск. Обществѣ торг. аптек. товар.“ Казанская ул., д. 12; у А. Рузанова, Гостинный дворъ № 40, во всѣхъ парфюмерныхъ и аптек. торговляхъ. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Малая Итальянская № 3. А. Энглундъ, № 2744 1—1

ВАЖНО ИМѢТЬ
торговцамъ въ провинції Антипаразитъ, замѣтательный по своей губительной силѣ для истребленія клоповъ, таракановъ, блохъ и въ особенности моли и ея зародышей (особый сортъ). Лучшею рекомендацией этого средства служатъ многочисленные отзывы и тебований отовсюду.

Существуютъ поддѣлки и подражанія. Во избѣженіе недоразумѣній каждый этикетъ снабженъ штемпелемъ: „Единственное депо для всей Россіи Копаныгина въ СПБ“. Владимірская ул., д. Палкина. Иногороднѣмъ розн. покупат. высыпается не менѣе на 2 р. 40 к. каждаго сорта. Торговцамъ уступка. Въ продажѣ имѣется въ сн. у Штоль-Шмидта, Русск. Обществѣ, Липпе, Мартова, Парикова, Саблюкова, Химич. Лаборат.; въ Москвѣ, Феррейнъ и у Вильзаръ (бывш. Келеръ) Никольск. ул.

ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКѢ
оптовая и розн. 1) Чистикова у театра, 2)
Вильзаръ (Аптекар. складъ быв. Келеръ) и
3) Элухенъ на Нижнемъ Базарѣ. 2746

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ
(Русскій Шампунъ).
Главный складъ въ С.-Петербургск. химической лабораторіи Ф. Линде, Невскій пр., № 23.
Подробное объявление помещено въ „Ниѣ“ въ № 21.
Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. № 2657 10—9

БУДИЛЬНИКЪ.

Открыта подписка на 2-е полугодіе.
(№№ 26—50).

Въ Москвѣ безъ доставки	4 руб.
съ доставкою	4 " 50 к.
Съ пересылкою иногороднѣмъ	5 "

Годовая подписка продолжается и новые подписчики получаютъ журналъ съ 1-го №, при чемъ, въ видѣ бесплатной преміи, имъ высылается романъ Золя „Дамское счастье“, большой томъ, съ портретомъ и биографіей автора.

Годовые подписчики платятъ:
Въ Москвѣ безъ доставки 7 руб.

съ доставкою 8 "

Съ пересылкою въ С.-Петербургъ и провинціи 9 "

Желающие получить „Альманахъ“ Будильника, приплачиваютъ